

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.

*И Камчатка до тех пор останется странною
неплодородною, пока надзор за нею не будет по-
ручен добросовестному и разумному человеку...*

Г. В. Стеллер, 1740 г.

*Нельзя, в самом деле, подумать, чтоб при
столь великом расстоянии приказания и угрозы
Государя могли всегда удержать их от злодея-
ний. Опыт довольно показывает; напротив в про-
странстве Российского государства, что могу-
щество ослабевает по мере, как оно удаляется
от своего центра...*

Ж. Б. Лессенс, 1788 г.

*И как обыкновенно редки истинные патрио-
ты, предпочитающие общественную пользу своей
собственной: то управление Камчаткой будет
всегда целью для начальников, или выиграть что-
нибудь за отдаленное служение свое, которое мо-
гут они украсить донесениями своими, или при-
обрести себе разными способами богатство и сде-
латься в Камчатке совершенным деспотом, в той
надежде, что отдаленность не допустит до слу-
ха высшего начальства и самих противозаконных
поступков*

И. Б. Пестель, 1810 г.

В ходе исторического развития России накоплен значительный опыт организации и осуществления государственного финансового контроля, в том числе и на региональном уровне. Благодаря специфике его становления и развития на местах, изучение исторического опыта позволяет устанавливать как общие закономерности, характерные для всей страны, так и выявлять особенности, свойственные отдельным административно-территориальным единицам государства.

Между тем, специальные исследования становления и развития государственного финансового контроля на Камчатке не проводились. Более того, финансовый контроль в России в целом изучался, в основном, на материалах высших органов власти и примерах центральных регионов страны. Главное внимание исследователей Северо-Востока России было преимущественно сосредоточено на изучении истории ясачного обложения местного населения, вопросы же государственного финансового контроля рассматривались

поверхностно. Вне поля исследования оказались проблемы правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере государственного управления. В результате, история государственного финансового контроля на Северо-Востоке России в целом и на Камчатке в частности изучена неравномерно, фрагментарно и не в полном объеме. Тем не менее, большой заслугой авторов различных публикаций явилось накопление разнообразного фактического материала по многим важным аспектам этого вопроса. Все это позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей разработки обозначенной темы.

В отечественной истории традиционной датой присоединения Камчатки к Российскому государству считается июль 1697 г., когда во время знаменитого похода анадьрских казаков во главе с Владимиром Атласовым в 1696—1699 гг. около устья реки Кануч был установлен памятный крест, символизирующий вхождение «новоприисканной Камчадальской землицы» в состав православной России. Исходя из административного устройства России тех лет, Камчатка стала частью Якутского уезда (до 1731 г.), подчинявшегося Сибирскому приказу.

Долгое время считалось, что основной причиной, заставлявшей русских продвигаться на восток, являлся сугубо экономический интерес: государственная казна нуждалась в пополнении из-за глубокого кризиса экономики и дополнительных военных расходов. Вследствие этого в исторических исследованиях подчеркивалось, что сбор ясака — по определению С. В. Бахрушина, дани, с чертами принудительной меновой торговой сделки, установленной законом, признака подданства — считался одним из главных направлений русской политики в Сибири. Именно ясак, вносимый «инородцами» в казну, как правило, пушнина («мягкой рухлядью»), рассматривался исследователями как мотив для «приискания» Россией «новых земель». Как писал С. В. Бахрушин, «это была та притягательная сила, которая побудила царское правительство перейти за Урал и присоединить всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [4, с. 49].

Здесь нельзя не согласиться с мнением М. О. Акишина: «Над советской историографией довлела ленинская мифологема о Сибири, как «колонии в экономическом смысле слова» [41, с. 56]. Однако благодатная почва для мифа о Сибири, как о финансовом доноре российского бюджета, была предоставлена историкам задолго до советского периода.

«Царского величества подьячий» Г. К. Котошихин в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» предположил, что в XVII в. сибирская «рухлядь» приносила в казну по 600 тыс. руб. ежегодно. Это в то время вполне могло составлять треть общегосударственного бюджета: «А сколько числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чайть тое казны приходу в год болши штисот тысяч рублев» [22, с. 116].

Такая цифра получила очень широкое хождение и в отечественной историографии, и в обыденных представлениях.

Так, об особенном интересе к Сибири, как стране, «откуда получают дорогие меха», писал и один из самых первых исследователей российской ясачной политики П. М. Головачев. По его мнению, эксплуатация территории именно в этом отношении представлялась особенно важной, и правительство не жалело усилий для обеспечения постоянного и непрерывного притока дорогих мехов из Сибири. «Получать с инородцев ясак, “промышлять новые землицы” для обложения — вот вся административная политика в то время, вся государственная мудрость московского правительства по отношению к Сибири. Это было первобытное отношение сильного к слабому, победителя к побежденному», — констатировал П. М. Головачев в своей статье «К истории ясака в Сибири» [10, с. 1].

Между тем, сегодня обобщение полученных историками данных приводит к выводу о том, что в течение всего XVII в. доля Сибири в общегосударственном бюджете была крайне незначительна (4,92 % в 1680 г. и 4,45 % в 1701 г.). В этой связи среди части историков-сибиреведов возобладала иная, противоположная точка зрения, согласно которой освоение Сибири русские самодержцы рассматривали не как узкофискальную задачу, а как общегосударственное дело [9, с. 41; 7, с. 119; 41, с. 54—56].

Что касается собственно государственного финансового контроля, то можно по-разному подходить к вопросу о дате его формирования и первых шагах по развитию на Камчатке. По нашему мнению, некоторую неясность в ответ на вопрос о начальной точке отсчета в развитии финансового контроля на Камчатке внес первый исследователь административной истории региона С. П. Крашенинников.

В своем фундаментальном труде «Описание земли Камчатки» он приписал авторство в создании первой учетной документации по сбору ясака — ясачных книг — десятнику Михайле Зиновьеву (Многогрешному). Так, на вопрос «книги ясачные для збору зачаты кем», С. П. Крашенинников утвердительно отвечает, что это сделал казак «Михайла Зиновьев, первый зборщик ясака» [24, с. 306, 309]. Аналогичной позиции придерживаются также А. С. Сгибнев [51, с. 14], Н. В. Слюнин [54, с. 18], П. А. Слоцов [53, с. 147] и многие другие.

Однако с этим трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, Владимир Атласов хорошо знал, как надлежало собирать ясак. Первые шесть лет своей службы (1682—1688 гг.) Атласов, как сборщик ясака, провел в хорошо обжитых районах юго-восточной Даурии, где ясачный режим действовал уже свыше сорока лет, и где население давно привыкло платить ясак «по вся годь» и без «обслушания» [47]. В 1688—1689 гг. Атласов (вместе с другим сборщиком Михаилом Гребенчиковым) не избежал следствия

по жалобе ясачных якутов «за воровство их и за озорничество, и за бой, и за увечья и разорение», в результате чего был бит публично «кнутом на козле нещадно» и дал поручную запись, что впредь он будет «не воровать и не озорничать» [27, с. 43, 50].

Во-вторых, несмотря на то, что ясачные книги Владимира Атласова до сих пор не обнаружены, благодаря работам Б. П. Полевого нам известно, что такие документы на Камчатке были заведены все-таки при Атласове: в описях якутского архива 1703 г. упоминаются «две книги зборные ясачной соболиной и лисичной казны новопостроенного камчадальского острога и анадырского зимовья за рукою зборщика Володимера Отласова 206 и 207 годов», то есть за 1697—1698 гг. [36, с. 88]. Как установил Б. П. Полевой, в июле 1699 г. В. Атласов вернулся в Анадырский острог, доставив ясачные книги, которые подтверждали, что многие камчадальские острожки согласились быть под державной рукой русского царя [18, с. 18].

В-третьих, нельзя забывать и о том, что начало похода В. Атласова совпало с энергичными попытками центрального правительства пресечь массовые финансовые злоупотребления в Сибири. В 1690-х гг. появился ряд царских указов, направленных на узаконение принципов, методов и техники получения ясака, а также (что самое главное) на регламентацию порядка его сбора и документального учета [16, с. 137—138].

Предположим, что такая законотворческая активность того времени была обусловлена результатами ревизии — розыска под руководством Федора Родионовича Качанова (1691—1696 гг.), «отчего учинился недобор ясачной, и про винное заповедное куренье, и что е. и. в. указу чинят противно...» Надо сказать, что данной ревизией были вскрыты массовые злоупотребления якутской администрации и служилых людей при сборе ясака, собраны документы о незаконном винокурении, нелегальной торговле, коррумпированности якутской администрации. В 1696 г. Ф. Р. Качанов возвратился в Москву и «предъявил изустно» об итогах розыска Петру I [41, с. 371].

Следовательно, первопроходец Владимир Атласов не мог не знать о необходимости ведения документального учета собранного ясака, поскольку такого нерадения к делу вообще, и к государственной казне в частности, ему бы точно не простили. Известно, что в июне 1700 г. ведомственные контролеры тех лет — подьячие «ясашного стола» Якутской приказной избы — указали Атласову, что часть камчатской ясачной казны документально не оформлена. Несмотря на торжественность встречи первопроходца и его объяснения причин нарушений отсутствием писчей бумаги, настояли на том, чтобы Атласов сел за стол, вспомнил и записал имена тех «иноземцев», с которых он взял ясак: «...а книги де он, Володимер, вышеописанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своей рукой вскоре. А дорогою де он, Володимер, тех книг не написал, потому что не было у них писчие бумаги»

[27, с. 110—111]. Как верно заметил Б. П. Полевой: «Местные власти вынуждены были мириться с тем, что сообщения о географических открытиях были предельно краткими, но они никогда не прощали “приказным” любые нарушения в ведении учетных книг» [37, с. 124]. Кроме того, в Российском государственном архиве древних актов имеется ясачная книга первого камчатского приказчика (1702—1703 гг.) Тимофея Родионовича Кобелева [34, с. 17; 36, с. 125].

Таким образом, очевидно, что «книги ясашные для збору», составленные Зиновьевым, были не первыми. Но, тогда по какой причине именно на него — Зиновьева (Многогрешного) — обращает наше внимание Крашенинников?

Для ответа вновь вернемся к его описанию Камчатки, в котором он указывает, что Михайло Зиновьев «во время бытности своей первой он завел ясачные книги, в которыя Камчадалов поимянно начал вписывать» [24, с. 196]. По нашему мнению, речь здесь идет о том, что Зиновьев изменил порядок ведения ясачных книг, применявшийся до него, в том числе произвел учет ясачных плательщиков поименно и занес их в ясачные книги.

Все дело в том, и это особенно важно заметить, что и Владимир Атласов, и Тимофей Кобелев были самыми первыми, кто приводил местное население «под твою великую государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж», и поскольку об определенном, установленном заранее ясачном окладе речь идти не могла, они записывали ясачных коряжков в неокладные ясачные книги. Причем, что тоже немаловажно — в неокладные ясачные книги Анадырского острога.

Надо сказать, что практика взимания ясака в Восточной Сибири знала две формы: окладной и неокладной ясак. Окладной ясак — это постоянный, зафиксированный сбор с «землицы», неокладной — сколько возьмется («брати б ясак поскольку будет мочно»). Окладным ясаком облагались те группы ясачного населения, которые уже упрочились в русском подданстве и были учтены в переписных ясачных книгах. Жители территорий, которые в силу их отдаленности от русских опорных пунктов, были еще не прочно закреплены в русском подданстве, платили неокладной ясак, часто в том размере, в каком они сами находили это нужным для поддержания дружеских отношений с русскими властями, по принципу: «ласкою и приветом, кто сколько сможет дать». Ясачный взнос состоял из собственно ясака — обязательного платежа — и добровольных приношений, так называемых «поминков» [9, с. 33]. Причем «поминки» состояли из мехов более высокого качества, а, следовательно, стоили дороже. Кроме того, в части «поминков» недоимки в сборе практически отсутствовали. Со временем «поминки» стали так же обязательны, как ясак, и полностью с ним слились [10, с. 13—14].

По нашему мнению, именно десятник Михаил Зиновьевич Многогрешный (прозвищем Черкашенин, племянник сосланного в 1672 г. в Сибирь

запорожского гетмана Д. И. Многогрешного), имевший многолетний административный опыт (в 1688—1690 гг. он состоял приказчиком на Колыме, а в 1693—1696 гг. — в Анадыре), во время своего правления (1703—1704 гг.) впервые сделал попытку к переводу сбора ясака на Камчатке с неокладной («повольной») формы на окладную.

Михайло Зиновьев, по характеристике, данной В. П. Маргаритовым, «отличался своею распорядительностью и внимание свое обращал, главным образом, не столько на расширение владений, сколько на устройство и укрепление за русскими тех острожков, которые были уже объясачены Атласовым и Кобелевым... Для более правильного ведения отчетности Зиновьев завел ясачные книги, куда вписывался собираемый ясак. Всех камчадалов разделили на три части, с подчинением каждой из них одному из трех русских острогов, управляемых отдельными «закащиками» [30, с. 7]¹.

Как справедливо заметил Ф. Г. Сафронов, регистрация ясачных по именам является одним из самых значительных достижений казаков в XVII—XVIII вв. — теперь стало можно собирать ясак со всего населения, без утайки душ [49, с. 93]. По нашему мнению, неокладной ясак не обеспечивал стабильных и высоких показателей в ясачном сборе, и, что самое главное, позволял ясачным сборщикам злоупотреблять. Ясачный оклад, напротив, выступал как единица обложения, основным содержанием которой являлось закрепление за каждым плательщиком индивидуального размера ясака, а, следовательно, позволял лучше осуществлять финансовый контроль в сфере ясачного обложения.

Но, чтобы оценить всю значимость и историческое значение сделанного Зиновьевым (Многогрешным) с точки зрения государственного финансового контроля на Камчатке, следует провести краткий экскурс в порядок учета собранного ясака, установленный в то время в Сибири.

Итак, в ясачные окладные книги (говоря современным языком — в реестр налогоплательщиков) заносились поименно все ясачные плательщики с определенным ясачным окладом. Вместе с тем, эти книги велись в острогах и ясачных зимовьях не только с указанием, кто, чем и сколько платит в данный момент, но, самое главное, с указанием, сколько плательщик должен будет внести ясака в будущем. Шкурки собранной ясачной пушнины «розбирали» (сортировали по видам) и связывали кожаными ремнями по сорок штук. Счет соболей вели по этим «сорокам», а лисиц — по десять штук. После этого меха укладывали в холщовые сумы «за государевою печатью», и вместе с собранным ясаком и ясачными книгами приказчики отправлялись в Якутск. В Якутске вновь проводилась строгая сортировка полученной пушнины, а после проверки ясачных книг составлялись сводные книги по уезду с указанием общего количества собранного. Затем пушнину отправляли в Сибирский приказ, где она подвергалась окончательному пересчету.

Кроме того, в Москву ежегодно отправлялись сметный и пометный списки. В сметном списке содержался отчет о результатах сбора ясака по уезду, острогам и зимовьям, то есть конкретно по каждому месту, а в пометном списке указывался ожидаемый сбор ясака в следующем году [49, с. 94].

Так фиксировалось количество не только собранного, но и планируемого ясака, и, следовательно, теоретически центральные и местные органы управления Сибирью могли бороться с экономическими злоупотреблениями и имели возможность планировать будущие доходы, а значит, и расходы [47].

В декабре 1708 г. было положено начало губернской реформе Петра I. В соответствии с Указом «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» все государство «для всенародной пользы» было разделено на восемь больших губерний (в том числе Сибирская с центром в Тобольске), и во главе управления каждой из них был поставлен губернатор. Именно на губернаторов был возложен надзор за финансовым управлением подведомственных им губерний: «И велено им в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему Великому государю о тех губерниях готовым быть, где он Великий государь укажет».

В ходе губернской реформы весь Северо-Восток России, включая Камчатский полуостров, вошел в состав Якутского уезда, который, в свою очередь, входил в состав Сибирской губернии.

Приступая к проведению губернской реформы, царь предполагал, что губернатор будет управлять губернией вместе с четырьмя «губернскими персонами». Одна из них — обер-комиссар — должна была отвечать за денежные сборы [9, с. 42].

Но губернская администрация не сложилась сразу в окончательном виде (это произошло только в 1709—1710 гг.), а 1708—1709 гг. стали подготовительным периодом реорганизации: в это время готовились приходно-расходные книги, проводилась инвентаризация, сверялись размеры окладных и неокладных сборов, численность населения, составлялись штаты новых органов управления, уточнялись границы губерний, провинций и уездов.

Начиная с 1711 г. непосредственное руководство финансовой политикой в стране было возложено на Сенат, и в этой связи ему предписывалось «о размножении и собирании государственных доходов и о употреблении оных в расход с такою доброю и осмотрительною экономию... крайнее старание и попечение иметь...» Главная цель в деятельности Сената заключалась в том, чтобы «привести в порядок государственное управление и получать правильно доходы», «смотреть за всеми расходами», «собирать деньги», «понеже все государственные доходы без изъятия правительствующему Сенату обстоятельно известны и в полной дирекции онаго состоят» [58, с. 36].

Необходимо отдельно затронуть вопрос, связанный с контролем над поступлением ясака в государственную казну и организацией ясачного сбора.

На Камчатке этими вопросами занимались приказчики (с 1720-х гг. — комиссары), которые с наступлением зимы объезжали ясачных плательщиков в сопровождении целовальников, толмачей (переводчиков) и служилых людей. «А по нынешнему обыкновению посылаютца во всякий год комиссары для ясашного збору, а весной паки возвращаютца в Якуцк» [45, с. 95]. Каждому плательщику ясака «для спору» выдавалась «отпись» о приеме ясака. Одновременно велась именная ясачная книга.

Следует обратить внимание на роль в указанном процессе «целовальников» — должностных лиц, выбранных из «мирских людей», которые после особого ритуала — целования креста — отвечали «за государеву казну и запасы»: «...а выбирают их к той казне своя братья, гости и торговые люди, за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть и соболей своих худых и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, так же, кому велят тое казну продавать или за службы и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавлять и для дружбы никому за худые не давать добрыми...» [22, с. 116]. Целовальники публично отчитывались о состоянии «государевой казны». Смена целовальников сопровождалась проверкой: «Сочтя в приходе и расходе табака и протчего, что у него в приеме было, и сладкой травы, и в винной продаже, и взяв у него приходные и расходные книги» [61, с. 349].

Вот как описывает сцену сбора ясака на Камчатке С. П. Крашенинников: «При каждом зборщике бывает пищик, толмач, целовальник, да несколько человек служивых людей, которым казну караулить должно. Ясак принимает комиссар при всех объявленных людях с совету их, который годен или негоден, причем толмач переводит что надобно, пищик вписывает в шнуровые книги, и дает отписи. Ясак отдается на руки целовальнику, а хранится за его и за комиссарскою печатями» [24, с. 252].

Сами же сборщики ясака на Камчатке описывали порядок документального учета следующим образом: «А с кого имени взято будет ясаку, каким зверем и в какую цену, и тому велено мне иметь приходную книгу и записывать в приход с ценою, а с платежных отписей списывать копии впредь для справки», после чего «в ясачной избе вышеозначенную зборную соболиную и лисишную казну, и книги, и оставшую подарочную казну приняли, а в приеме дать мне квитанцию» [45, с. 102—103].

Но мы бы очень ошиблись, если бы полагали, что сфера государственного финансового контроля на Камчатке в интересующий нас период ограничивалась только лишь сбором ясака. «Великого государя казна», хранимая в казенных амбарах камчатских острогов, включала в себя не только ясачную пушнину.

Так, по состоянию на 30 января 1712 г. в Верхнекамчатском остроге «...за всякие расходы, явилось в остатке на лицо денег по счету 2 р. 23 ал. 4 деньги,

да воинских припасов 1 пуд 23 фунта пороху пушечного, 1 пуд 2 фунта пороху ручного в двух флягах, 2 пуда 11 фунтов свинцу, 268 ядер пушечных, знамя тафтяное ветхое, 3 пушки в станках, 8 пищалей гладких, 2 дротики, да товаров на иноземческую руку 26 фунтов меди в котлах, 25 фунтов олова в блюдах и прutowого, 10 фунтов одекую, да бумаги пищей 50 дестей, 2 нопары, в том числе 1 ломаная, безмен весчей, гирия и оправка медные...» [21, с. 37—38].

Поскольку камчатскими острогами, значительно удаленными от Якутска, воевода управлял через приказчиков, важно иметь в виду, что методы контроля определялись назначаемым приказчикам наказом воеводы. Учитывая, что при этом универсальная власть воеводы, охватывающая во вверенном ему уезде все сферы (в том числе финансовый контроль и надзор), проецировалась в различные и широкие функции приказчиков, власть приказчика большей частью напоминала власть самого воеводы: «точный сколок с общей с включением необходимых, по местным условиям, изменений» [2, с. 65].

Правовая основа контроля за местным управлением закладывалась в воеводских наказах, в соответствии с которыми новым воеводам надлежало старых «считать, а прежним воеводам давать отчет... буде по счету никакого начету на них не явится, и тем новым воеводам давать прежним воеводам для проезду по городам проезжие памяти... и как те воеводы к Москве приедут, и им явиться в Сибирском приказе, и те проезжие памяти объявлять впредь для всякого спору» [1, с. 74; 56, с. 18, 35].

Якутский воевода, назначаемый Сибирским приказом с наказом, основная (фискальная) идея которого заключалась в том, чтобы «...учинить великому государю... во всяких сборах, перед прежними годы, прибыль, чтоб та прибыль впредь была прочна и состоятельна, а всяким людям тягости не навесь...» [9, с. 25], пребывал в своей должности дольше, если «учнет великих государей дела делать и доходы собирать радетельно сполна» [49, с. 23—24].

В 1720-х гг. воеводе также предписывалось «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать», а кроме того «ему ж смотреть накрепко над приставленными к делам, а именно, за надзирателями сборов, земскими комиссарами, казначеями, сборщиками и за подьячими, дабы оные каждой свое управление по данному им инструкциону исполняли, и о неисправностях им припоминать; а буде кто из них сим не удовольствуется, тех отсылать в Камер и Штатс-контор-коллегии, а на их места других определять...»

В наказах подробно описывалась процедура передачи города от старого воеводы новому, которая включала в себя: осмотр укреплений и государственных построек, «счет» военных запасов, государевой ясачной и денежной казны, продовольствия. В процессе «счета» тщательно учитывались все доходы и расходы за все время правления старого воеводы и составлялся счетный список. В случае выявления недостачи («начета») она взыскивалась

(«доправлялась») со сменяемого воеводы, а если воевода уличался в расхищении государственной казны, то ему в качестве наказания предстояло «от государя быти в опале» [9, с. 34; 56, с. 18]. При этом в качестве соучастников преступлений воеводы могли привлекаться также и другие должностные лица: дьяки, подьячие, писари.

По результатам полной ревизии служебных дел предшественника, приняв воеводство и рассчитав сменяемого, новый воевода должен был официально известить об этом Сибирский приказ с приложением «рописного списка» всего принятого казенного имущества. Другой экземпляр списка использовался в дальнейшем уже при расчете воеводы по смене его со службы [14, с. 76].

Другими словами, важнейшей частью отчета воеводы перед центральными органами управления являлось выяснение той «прибыли», которую он «учинил государевой казне». Основой для подобного рода расчетов становились сметные книги, отписки и росписи воевод. Подсчет «прибыли» велся по отдельным статьям и по годам [41, с. 50].

Исходя из вышеизложенного, аналогичный порядок финансового контроля был установлен на Камчатке в XVIII в. и применялся при смене приказчиков камчатских острогов и в их взаимоотношениях между собой, а также с Якутской воеводской канцелярией.

В рамках установленного общего порядка камчатские приказчики передавали друг другу «всякие дела и окладные денежные приходные и расходные и ясашные книги, и указные памяти, и прикащичьи росписные списки, и всякие записки». При этом проводилась полная инвентаризация острожных построек и различных материальных запасов, подробно проверялись денежные книги (с одновременной сверкой остатков денежной наличности) и ясачные книги, а также окладные книги служащих.

Иными словами, приказчики производили передачу «всё, что надлежало», в том числе расписывались: «в наличной твоей великого государя, денежной и пороховой и свинцовой и оружейной и в подарочной казне и по спискам в служилых и промышленных людех и в аманатах, oprичь сборной прошлых годов твоей, великого государя, ясачной соболиной и лисичной и бобровой казны ...» [21, с. 39—40].

Вместе с тем, такая передача казенного имущества почти каждый раз сопровождалась применением силы.

Так, например, при смене в 1712 г. казака Киргизова приказчиком Колесовым, потребовавшим предъявить приходные и расходные книги, а также собранный ясак, Киргизов ответил вооруженным противостоянием [2, с. 369—370; 51, с. 19].

Кроме того, исторические источники довели до нас ряд примеров финансовых злоупотреблений, совершенных руководителями Камчатки того

времени. Так, распространенной практикой являлась выдача жалованья казакам различными товарами по ценам, определенным самими приказчиками острогов, тогда как казаки давали расписки в получении наличных денежных средств. «Жалованье денежное за себя переводили, а им неволею давали товары по тамошней Камчатской цене... а они служивые в расходных книгах расписывались не в товарах, но в деньгах» [2, с. 109, 365; 24, с. 207]. Другой сходный пример: «Даны ему (Якову Ярославцеву. — Д. К.) были в Якуцку из твоей, великого государя, казны 500 рублей в посылку в камчадалские остроги служилым людям на жалованье и тех денег он, Яков, в камчадалском остроге на лицо не отдал» [21, с. 36].

Впрочем, и ответ на самовластие приказчиков не заставлял себя долго ждать. Так, в 1711 г. казаки, не дождавшись ответа на свои челобитные об «лакомстве прикащиков, коим образом корыстовались они Государевой казною покупая на оную товары, и тем получая себе непомерную прибыль» [24, с. 207], убили всех трех приказчиков, находившихся в то время на Камчатке, в том числе и «голову камчадалских прикащиков» В. Атласова.

Стоит признать, что в XVIII в. на Камчатке полноценная практика проведения «счетов» в силу целого ряда причин не получила должного развития, и с точки зрения финансового контроля особого значения не имела.

При этом главная проблема заключалась в том, что хотя походы из Якутска в Большерецкий острог к тому времени и стали обычными, однако сухопутный путь вдоль побережья Охотского моря в обход Пенжинского залива был труден и длителен. «А хаживали до камчатских острогов в год, а возвращались по тому ж с утратой людей и с потеряннием немалого казенного интереса» [12, с. 22]. Таким образом, открытие морского пути на Камчатку становилось для России жизненно необходимым. «Итак, видя проход на Камчатку от изменников и непокоренных народов трудной, искали способу найти ход морем...» [19, с. 299].

Как пишет С. П. Крашенинников, «до проведания пути Пенжинским морем, за дальним разстоянием и трудным проездом чрез землю немирных Коряк, в пересылке репортов в Якутск и в получении указов проходило много времени; что бездельникам оным подавало немалой повод к наглостям», а «поступки некоторых прикащиков и служивых людей еще в то время были столь предосудительны, что без сумнения надлежало опасаться худых следствий от камчадалов, которые теми их поступками весьма не довольны были» [24, с. 210, 220].

Так, по причине невозможности доставить казну в Якутск, к февралю 1712 г. в камчадалских острогах скопилось огромное количество «соболиной казны и таможенного сбору и прикащичьих пожитков 248 сороков 25 соболей (то есть 9 945 шкурок. — Д. К.), шуба пластинчатая, 3 лисицы бурых, лоскут лисицы бурой, 30 лисиц сиводущатых, 2 648 лисиц красных, 215 бобров морских» [21, с. 40].

Якутский воевода Д. А. Траурнихт велел «ту камчацкую сборную 707 и 708 и 709 и 710 и 711 годов твою, великого государя, казну и всякую мягкую рухлядь посланному нынешняго 712 году прикащику, дворянину Василью Колесову, с прежним прикащиком Василием Севостьяновым, или с кем надлежит, выслать в Якуцкой без всякого одержания, и до Акланского и Анадырского велети, твою, великого государя, казну везти с великим опасением, чтоб до Анадырей ту казну проводить от немирных иноземцев и довести в целости...» [21, с. 41]. Но «как он, Василей, пошел з зборною великого государя ясашною и со всякою казною в Якуцкой, и немирные иноземцы — олюторы, да изменники — юагири ево, Василья, с служилыми людьми во сте человеках побили и казну всякую побрали без остатку...» [45, с. 28]. «После такой катастрофы», как пишет В. П. Маргаритов, «было сделано распоряжение не возить ясачной казны и вообще казенного груза через Анадырск» [30, с. 13].

В июле 1714 г. якутский казак Козьма Соколов, назначенный начальником экспедиции, с командой отправился из Якутска в Охотский острог, где в мае 1716 г. было построено первое русское морское судно на Тихом океане — лодия «Восток».

Наказной памятью якутского воеводы Я. А. Ельчина (которому позднее в рамках руководства особой экспедицией — Большим Камчатским нарядом — поручат лично «усматривать... всякого воровства во всем, от чего чинитца доимка во всех государевых податех и в сборах» [1, с. 103; 2, с. 375]) К. Соколову было предписано: «...итти чрез Ламское море на Камчатский нос без всякого одержания. И естли содетель Христос бог наш помилует, и перейдете на Камчатку, то, не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из камчатских острогов итти тем же путем на Ламу и в Якуцкой». Следует особо отметить, что в соответствии с наказом Ельчина у Соколова не было выбора: «А буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или, не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам по указу великого государя быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады, потому что сия посылка и служба вам учинена по его царского величества имянному указу и денежное, и хлебное, и соляное жалованье дано вам полное» [45, с. 24—25].

В июне 1716 г. экспедиция в составе 27 чел. во главе с К. Соколовым и Н. Треской отправилась в плавание на Камчатку, возвратившись в Охотск в июле 1718 г. Итогом плавания «Востока» явилось открытие морского пути из Охотска на Камчатку. «И с того времени с Камчатки зборная казна и на Камчатку служилые люди отправляются чрез море Охоцкое до Большой реки» [19, с. 300].

В 1716 г. Петр I был вынужден заключить, что в Сибири по-прежнему «происходит в сборах... в ясачных и в таможенных и во всяких... не малое воровство и утрата казны» [1, с. 102]. Хотя, справедливости ради, отметим, что финансовая дисциплина тех лет была весьма слабой во всей стране. С целью ужесточения финансового контроля 15 февраля 1716 г. вышел сенатский указ «О присылке в Ближнюю канцелярию из губерний, канцелярий и приказов подлинных приходных и расходных книг с дьяками и подьячими». Как следует из текста указа, приходно-расходные книги за 1714 г. были присланы только из посольской, воинской, адмиралтейской и Санкт-Петербургской канцелярий городских дел, а из других канцелярий и приказов, а также губерний книги не поступали. Из-за этого «в счетном деле учинилась остановка». Указ установил более строгие наказания за неисполнение предписаний о предоставлении отчетности с мест.

Однако «дальняя государева вотчина» — Камчатка — была по-прежнему слишком далека от «государевых очей». Органы управления Сибири в рамках проводимых государственных реформ с самого начала не могли справиться с огромной массой поступавших с мест судебных, административных дел и финансовой отчетностью. В таких условиях организация эффективного контроля над деятельностью правителей на полуострове была исключена. Проверка же многочисленных жалоб на произвол приказчиков и ясачных сборщиков, исходя из вышеизложенного порядка, поручалась их преемникам, тоже приехавшим в расчете на наживу. «На Камчатку посылаются управительми из якуцких жителей и из охотских служилых людей, переменяя их погодно ис которых ко оному управлению достойнова человека там найти трудно» [46, с. 29].

Можно сказать, что из-за общего поведенческого стереотипа того времени «дани терялись или переменялись через руки тех, которые были определены к собиранию оных» [28, с. 61].

Будучи всецело зависимым в условиях отдаленности края от волеизъявления назначенных администраторов — людей социально неустойчивых, финансовое управление на Камчатке характеризовалось «непомерным лихоимством, процветанием взяточничества и казнокрадством». Поэтому наидания «жить по государеву указу», «береженье держать», «воров от воровства унимать» в большинстве своем оставались пустыми словами [49, с. 25].

Так, на Камчатке летом 1715 г. пятидесятник Алексей Петриловский (родственник Ерофея Хабарова) принял у «тамошнего прикащика у Ивана Козыревского... камчадалские Верхней и Нижней и на Большой реке остроги, и служилых людей и аманатов и казну великого государя пороховую всю, что было на лицо, да ясачные казны и всякого доходу сбору 715 году 67 сороков, 19 соболей, 68 бобров, 969 лисиц красных, в том числе 4 лисицы недошлых, да 11 лисиц сиводушатых, лисица чернобурая недошлая, да лисица бурая,

3 лисицы буренские, 7 лисиц с беренки, 3 лисенки буренки, в том числе 1 голой, да в том же числе у другова черево прело, да лисица буренкая, шерсть голубая; да явленных и положенных в казну великого государя вышеописанного камчадальского прежнего прикащика Ивана Козыревского имения 30 сороков 20 соболей, 100 лисиц красных, лисица с буренка да казака Федора Балдакова явленной загривок лисицы буренкой, да лисица буренкая без загривка...» [21, с. 44].

При этом Петриловский предъявил Козыревскому различные обвинения в расхищении камчатской казны и «безвинно» держал его в колодках (так, что от «смертного мучения руки и ноги мои до костей перетерты»), а после отобрал «пожитки», оставшиеся от погибших в боях отца и брата Михаила по якутской цене на 6 275 руб., да «воинскую одежду и ружье» (железная кольчуга, «бумажник под ровдугою», 2 железных куяка, 2 винтовые пищали, 2 костяных лука, копьё и сабля китайские, сабля «польского дела») по камчатской цене на 200 красных лисиц, или по якутской — 300 руб. [39, с. 25]. По оценке Л. А. Гольденберга, общая сумма «грабежных его пожитков» составила 2 784 руб. [12, с. 44].

Между тем, анализируя учетную документацию, Б. П. Полевой отмечал, что И. Козыревский любил порядок во всех делах. Поэтому он с большим прилежанием завел у себя весьма своеобразную ясачную книгу: за неимением бумаги он сделал ее на бересте, со следующими первыми строками: «Книга великого государя царя великого князя Петра Алексевича всея великие и малые России самодержца Нижнего и Верхнего камчадальских острогов и Большой реки ясачная зборная нынешнего 715-го году прибыльности в камчадальских острогах приказного Ивана Козыревского, а которых рек и острогов и с кого имяны с ясачных иноземцев и вновь приисканных ясаку во казну...» [37, с. 125].

Ясачные книги Козыревский для отчета направлял в Якутск. «И о том зборе свидетельствуют ясачные за моею рукою книги, которые писаны на бересте и обретаются в Якутской воеводской канцелярии» [34, с. 19; 45, с. 48].

Что касается А. Петриловского, то в 1716 г. он был смещен «с приказу» и посажен возмущенными казаками под караул по причине того, что он проявлял «крайнюю жестокость и безграничное лихоимство» [54, с. 27], «по ненасытному своему лакомству не имел уже меры в граблении, хищении и мучительстве», и награбил «в краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясашную казну со всей Камчатки...» [24, с. 219].

Вот список «пожитков», отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей (то есть 5 669 шкурочек. — Д. К.), 1 542 лисицы красных, 161 сиводушная, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях собольих, парка соболья с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем

сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; трех из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; серебряная чарка и ложка и много других вещей [51, с. 30]. Н. В. Слюнин оценивает объем имущества, конфискованного у Петриловского, в несколько тысяч рублей [54, с. 27].

В 1720 г. вместе с учетными книгами А. Петриловский отправился из Камчатки «для отчета той казны» в Якутск, где был осужден.

В другом случае, в апреле 1719 г. группа казаков во главе с Василием Княжиным и Логином Бишевым «отказала» от власти приказчику Большерецкой ясачной избы сыну боярскому Назару Колесову, отобрала у него ящик с указами, наказной памятью, «пожитки» и «кормовые запасы». Кроме того, бунтовщики пограбили имущество некоторых казаков, а также приказчика Большерецкого острога В. Качанова и «государеву казну». Через некоторое время зачинщиков бунта вызвали в Тобольск, где подвергли наказанию [16, с. 268].

В это же время наметилось стремление центральных органов управления страной исправить существующее положение дел. Так, в июне 1720 г. Петр I провел реформирование действующей системы надзора фискалов, объясняя это тем, что фискалы первоначально «выбраны были из самых низких людей, которые ныне явились в великих преступлениях и злодействах» [14, с. 119].

Кроме того, в 1720 г. «... ради порядочного в приходе и расходе исправления и ревизии всех счетных дел» начала свою работу Ревизион-Коллегия. Тем самым концентрация финансового управления на губернском уровне была дополнена общегосударственной централизацией бюджета и финансового контроля. В обязанности Ревизион-Коллегии входило заведование счетами всех государственных доходов и расходов и суд над лицами, изблеченными в злоупотреблениях по части собирания доходов и использования расходов.

Желая «прием и отдачу денег везде зачать по шведскому манеру», в 1719 г. были изданы инструкции (наказы) земским комиссарам и земским рейнтмейстерам в губерниях и провинциях, которыми устанавливались требования по отражению принятых денег в особой книге — прообразу современной бюджетной классификации доходов. В ней имелось столько разделов, частей, глав, параграфов и пунктов, сколько существовало различных наименований по приходу [26, с. 22; 58, с. 55, 461—482].

Одной из важнейших целей реформы государственного финансового управления в России в 1720-е гг., которая и была достигнута, стало составле-

ние ежегодных «табелей» государственных доходов и расходов — своеобразных ежегодных государственных бюджетов. При этом наиболее полное содержание основных статей доходов и расходов государственного бюджета России дает «Табель прихода и расхода за 1725 год», составленная статс-секретарем Сената И. К. Кириловым в его работе «Цветущее состояние Всероссийского государства» [19; 58, с. 52]².

Но самое примечательное, что обычной практикой того времени для дозора злоупотреблений и скорой расправы с виновными становятся отправки в провинцию с чрезвычайными поручениями и обширными полномочиями лейб-гвардейцев.

В 1724 г. в целом по стране число таких командированных дозорщиков составило 87 человек, причем офицеров было всего 16, а остальные нижние чины — сержанты, капралы, унтер-офицеры и солдаты. Гвардейцам предписывалось «губернаторам непрестанно докучать», чтобы они неотложно исполняли правительственные требования, в противном случае офицеры должны были «как губернаторов, так и вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги, и на шею положить цепь и по то время не освобождать, пока они не изготовят ведомостей» [20, с. 256—257].

«Армейское» происхождение государственного финансового контроля в России не должно вызывать удивления, поскольку оно тесно связано со структурой бюджета страны того времени. В 1701 г. доля расходов на армию и флот составляла 78, в 1725 г. — 64, а в 1734 г. — 71 % [58, с. 93]. Таким образом, контроль над военными расходами означал финансовый контроль над большей частью российского бюджета.

По именному Указу Петра I от 25 октября 1719 г. «разыскивать накрепко... о многих обидах и разорениях к тамошним народам» по делу сибирского губернатора князя М. П. Гагарина в Якутск был направлен лейб-гвардии капитан-поручик М. П. Измайлов.

В июне 1720 г. Измайлов посылает на Камчатку сына боярского Степана Бобровского и дает ему инструкцию, какой, как отмечает А. С. Сгибнев, «до того времени не было даваемо ни одному комиссару». В соответствии с этой инструкцией, Бобровскому, в частности, предписывалось: «...принять Верхнекамчатский острог от прикащика Ивана Харитонова, также казну, дела, аманатов, служилых и всё по росписным спискам. Объявить всем камчадалам при собрании всех служилых “Милостивое Государево слово”, что кому из них были какие налоги от прежних прикащиков, которые ими корыстовались, а суда не было, то ныне Государь велел подавать на них жалобы; виновных розыскивать и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков... А чтобы камчадалы жили в покое и тишине, занимались бы промыслами и ясак и поклон Государю платили... Ясаки иноземцам отправлять самим в Верхнекамчатск, чтобы служилые не обменивали и не плутовали; а в улусы

посылать только за недобором. Управляться своими старшинами и быть им покорными, за что будет царское жалование. Ясак в Верхнекамчатске приказчику принимать при служилых. Сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак захребетников и подростков» [51, с. 33].

Кроме того, в приписке к вышеуказанной инструкции значилось: «За взнос полного ясака награждать камчадалов; сверх ясака покупать зверей в казну; до сбора ясаков никого в остроги не отпускать для торговли и вымену зверей; в Якутск с ясаками идти самому комиссару с переменными служилыми... При отбытии с Камчатки острог сдать надежному доброму человеку...» [51, с. 34].

В вышеприведенном отрывке из инструкции Бобровскому мы встречаем один из самых эффективных методов контроля того времени — «милостивое государево слово». Новый начальник Камчатки должен был созвать население «при собрании всех служилых» около приказной избы и заявить, что прежде приказные люди «чинили» населению различные обиды, а ясачных обирали без «царского ведома», но сейчас же царь велел «чинить суд и правду праведно». Как результат, всякий недовольный действиями приказчика или служивого человека мог обратиться с «изветом» о «государевом деле», добиваясь проведения расследования («сыска») [2, с. 9; 9, с. 35; 56, с. 19—21].

В октябре 1722 г. Степан Бобровский передал дела новому приказчику — дворянину Никите Лосеву. Тот в октябре 1722 — марте 1723 г. за право продажи (откуп) на Камчатке вина и табака и с судебных дел за гербовую бумагу стал брать пушшиной, «чем увеличил доходы в Камчатских острогах» [51, с. 35].

С Камчатки Н. Лосев возвращался вместе с С. Бобровским в июле 1723 г. По дороге в Якутск, переправляясь через реку Юдому, один из плотов, на котором находилась камчатская учетная документация, перевернулся. Все необходимые сведения, кропотливо готовившиеся Лосевым и Бобровским для отчета перед Якутской воеводской канцелярией, погибли. Подьячий Афанасий Лузин, привезший ясак в Якутск, ничего пояснить не мог. Не могли свидетельствовать о состоянии дел на Камчатке и сами приказчики — Бобровский и Лосев, поскольку оба к тому моменту умерли, так и не успев добраться до Якутска.

Однако Якутская канцелярия требовала достоверного финансового отчета и в этой связи настаивала на полной ревизии финансово-хозяйственной деятельности администраторов Камчатки. Тем более, что в 1723—1724 гг. сибирскими губернаторами были изданы указы о том, чтобы определенные при князе М. П. Гагарине приказчики были высланы из острогов и впредь не посылались, «ибо они, не ища в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор...», а, кроме того, к сборам ясаков не выбирать, а назначать: к большим в помощь офицеров и детей боярских, а к меньшим — унтер-офицеров и солдат.

Вследствие этого в 1725 г. на Камчатку был назначен дворянин Степан Трифанов, в отряде которого, помимо 30 чел. казаков якутского полка, находились: комиссар служилый Петр Корякин, подьячий Михайло Борисов и сборщик подушных денег Никита Жданов.

Степану Трифанову было велено «камчатские остроги и всякую наличную казну, порох и свинец, служилых и прочих людей принять по именному списку, также аманатов (заложников, «лучших мужиков», под которых их родственники вносили ясак. — *Д. К.*), книги и всякие дела. Во всем росписаться и разменяться росписными книгами. Коммисаров же с приходно-расходными книгами выслать в Якутск к ревизии; но с книг оставить копии... и в 1726 году непременно воротиться с ясаками в Якутск» [51, с. 37]. Однако в 1726 г. вернуться в Якутск С. Трифанову было не суждено.

Почти через два года после отправки С. Трифанова, 23 июля 1727 г. В. Й. Беринг, допрашивая морехода Н. Треску «за какую притчиною судно в Охотский астрог не возвратилось», установил обстоятельства, при которых камчатские приходно-расходные книги не могли быть представлены для ревизии в Якутск.

Вот что рассказал Берингу Н. Треска: «В прошлом 725 году октября в... день пошли мы из Охотскаго в Камчадалские остроги с камисаром Стефаном Трифановым, Петром Карякиным, которые посланы для собирания ясаку, и, не дошед до Большерецкакого астрогу верст за 200, от великаго ветра бросило судно валом на берег и несколько упругов от прошивки оторвало, в том числе 2 упругу надломило, и в том месте зимовало с прошлого 726 году. Весною ко оному судну я из Большерецкакого астрогу ходил и починил, на котором пришел в Большерецкой июня в первых числах и камисарам сказывал, что судно починил и время иттить за море, и оне, камисары, в прошедшем году не пошли и казны е. и. в. не послали, и многократно меня оные вышеописанные камисары сажали в казенку и говорили мне, чтоб я подписался, что судно в ход за море негодно, и я не подписался, и ныне на том судне пришли сюда благополучно...»

«В дополнение сверх тех речей» другой мореход — Иван Бутин «посказал» Берингу, что, «когда сидел в казенке в подписке, что судно неходко в ход, и я не подписался и оне, камисары, призвав меня, Ивана к себе и напоив пьяны, написав подложную скаску, и велели вместо меня и руку приложить, токмо я скаски не давал и руки прикладывать вместо себя никому не веливал, и ныне у вышеописанных камисаров такая подложная скаска имеетца. И ежели я что сказал, и за то повинен штрафу по указу ея и. в.» [45, с. 62].

Такое торможение государственного финансового контроля на Камчатке уже явно не отвечало общеимперскому образу финансового управления. Действующее законодательство уже установило порядок ведения приходно-расходных книг, составления отчетов по окончании года, осуществления

расходов на содержание согласно ассигнованиям, а законодательные акты жестко определяли: «кто был у прихода и расхода, покамест он в том сочтен не будет, к другим делам не определять».

Как нам представляется, в общих чертах установленная схема контроля за финансовым управлением на Камчатке сводилась к тому, что комиссары «Камчадальских острогов» записывали приход и расход денег, пушнины и другого имущества в книги, пронумерованные по листам, прошитые шнуром и скрепленные печатью. «Когда сколько кто комиссару денег заплатит, тогда оному тот свой платеж в приходной комиссарской книге, с прошивным шнуром и за печатью, под статьею подписать своею рукою; а кто писать сам не умеет, то кому они вместо себя верят. А комиссару подписать под тоуж статьею, своею рукою, что он те денги принял, и сверх того давать тем плательщикам, им комиссаром, за руками своими отписи, как скоро возможно, без всякой плательщиком волокиты» [58, с. 471].

По окончании года Якутская воеводская канцелярия (позднее, с 1730-х гг. — канцелярия Охотского правления) должна была освидетельствовать представленные с Камчатки книги на предмет правильности сбора доходов, целевом употреблении расходов и полученных остатков, с выдачей квитанций за подписью всех лиц, проводивших проверку.

Но, вместе с тем, весь вышеизложенный порядок проведения финансового контроля перечеркивало требование — должностное лицо могло быть вызвано в канцелярию для отчета в срок не более двух недель. По этой причине, как справедливо заметил В. К. Андриевич, наибольшей бесконтрольностью, а, следовательно, и произволом, пользовались начальники Камчатки [2, с. 70—71]. Впрочем, на практике незначительные недочеты в отчетности исправлялись вышестоящими органами в ходе следствия «о несходстве» тех или иных счетов [1, с. 165].

В то же время, надо сказать, что не только отчетность, своевременность и полнота поступлений доходов с Камчатки в XVIII в., но и состояние денежного обращения оставляло желать лучшего. В 1730 г., подводя итоги Первой Камчатской экспедиции, ее руководитель В. Й. Беринг отмечал, что «до нашего прибытия на Камчатке денег не имелось» [45, с. 96]³.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. В. Стеллер писал: «Вся торговля в острогах ведется почти исключительно на векселя и долговые расписки, причем у казаков на этот предмет выработался определенный стиль и вексельное право. Летом, когда у казаков замечается недохватка денег и пушнины, они ведут друг с другом торговлю только на векселя и расписки, и нередко вексель за время от своего написания до срока платежа проходит через десяток и более рук» [55, с. 214]⁴.

Г. В. Стеллер, посланный Академией наук «для вспоможения в делах по натуральной истории» С. П. Крашенинникову, на основе личного озна-

комления с организацией финансового управления сообщал множество интересных фактов. Видимо, обличая бесчинства общности «вороватых правителей-нехристей», он пытался получить часть бумаг (в том числе, вероятно, финансовых), однако с сожалением отмечал, что «сохранившиеся доселе документы, особенно находящиеся в Большерецком остроге, написаны, за отсутствием бумаги, на березовой коре китайскою тушью. Хранились они безо всякого присмотра в сырых амбарах и поэтому отчасти сгнили, отчасти совершенно потускнели и стали неудобочитаемыми... Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей, и что из этого материала путем усердного и неоднократно повторявшегося опроса разных лиц в разное время и в разных местах можно было признать более или менее достоверным» [55, с. 134].

Информация об управлении Камчаткой, которую Г. В. Стеллер все-таки смог получить, была крайне интересна центральным органам государственного финансового контроля. 13 ноября 1746 г. Канцелярия генеральной ревизии Сибирской губернии, узнав о смерти Стеллера, направила в Тюменскую воеводскую канцелярию резолюцию следующего содержания: «Послать имеющихся при Канцелярии генеральной ревизии секретаря Степана Скалина, да аудитора Клима Иванова и велеть им: во-первых, учинить опись только одним показанным местам, не распечатывая, что в них каких пожитков и писем имеется, тако ж и что сверх тех мест еще имеется. А переписав оные места и протчею, и запечатав Канцелярии генеральной ревизии и Тюменской воеводской канцелярии печатями, отдать с роспискою по вышеобъявленной описи для отвозу в Сибирской приказ... А ту опись подать им при доношении за руками в Канцелярию генеральной ревизии. И по подаче оную отослать в Правительствующий Сенат...» [63].

В 1731 г. состоялась первая административно-территориальная реформа, впрямую коснувшаяся Камчатки. Эта реформа, на наш взгляд, явилась поворотным моментом на этапе становления и развития регионального финансового контроля. Исходя из общей задачи освоения Сибири и Дальнего Востока, центральная власть стремилась приблизить и распространить свои финансово-контрольные институты на органы управления полуостровом.

В апреле 1731 г. вышел Указ Правительствующего Сената о выделении из Якутского уезда особого Охотского приморского правления с центром в Охотске (одновременно получившим статус города). В ведение правления были определены Охотское побережье и Камчатка. Первым главным начальником правления указом Сената от 10 мая 1731 г. был назначен бывший обер-прокурор Сената Г. Г. Скорняков-Писарев.

Надо сказать, что до этого 20 декабря 1730 г. именным указом императрицы Анны Иоанновны был восстановлен «особливый» Сибирский приказ. Императрица повелела: «Сибирский приказ в Москве по прежнему возобновить

и быть под ведением сенатским, определяя к тому судей два или три человека и поручить в дирекцию одному из сенаторов, а Камер-коллегию от того приказа и от всех сибирских доходов отрешить». В результате Сибирская губерния была изъята из-под непосредственного подчинения Камер-коллегии (управления государственными доходами), Штатс-конторы (управления государственными расходами) и Ревизион-коллегии (занимавшейся осуществлением контрольных функций) и полностью перешла в ведение Сибирского приказа. Восстановить Сибирский приказ Анне Иоанновне предложили сенаторы, обосновывая необходимость этой меры снижением доходов от торговли и поступлений в казну пушнины в связи с тем, что Сибирь «не в таком смотреии состоит, как преж сего бывало» [2, с. 74]. Сибирский приказ наделялся большими полномочиями: «о всяких делах и денежной и протчей казне рапорты присылать в Сибирский приказ... И по посылаемому ис того приказа указов исполнение чинить неотменно».

В виду особого значения Охотска, как опорного пункта на Тихом океане, в соответствии с сенатской инструкцией от 30 июля 1731 г. Г. Г. Скорнякову-Писареву предписывалось: «Приехав в Охотск, иметь тебе над оным местом полную команду, и чтоб то место людьми умножить, и хлеб завезть, и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купеческих людей с товарами, и для других потреб сделать, дабы оное, яко новое место, с добрым порядком к пользе и прибыли государственной приведено было» [45, с. 98].

Кроме того, вышеуказанной инструкцией начальнику Охотского порта вменялось в обязанность контролировать деятельность камчатских приказчиков: «Тебе ж, Писареву, смотреть и за камчадальскими прикащиками, и кои будут посылаяться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острожков, чтоб они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели происходить будут жалобы или по слуху сам уведашь о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать по силе государственных прав, понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт». Для лучшего содержания острогов требовалось «определить в них командиров не так, как ныне, каждой год переменных, но на несколько лет или пока кто в вину и в подозрение впадет, дабы для своего житья лучше рачили, и скот и хлеб размножали, и народ приласкали...» [45, с. 99].

Как мы видим, в пределах Охотского правления Камчатка занимала особое место. Начальники Камчатки назывались командирами, их резиденциями являлись Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский остроги. В 1739 г. командир Камчатки боярский сын Колесов избирает местом своего пребывания Большерецкий острог, который с 1740 по 1784 г. стал постоянным местом пребывания командира Камчатки.

В то же время для усиления контроля над местным управлением вышестоящие органы управления Камчаткой стали прибегать к испытанному средству — отправке специальных комиссий, в том числе и следственных. Во главе этих комиссий ставился «сыщик» из числа сибирских дворян и детей боярских. В своей деятельности «сыщики» руководствовались наказом, в котором им предписывалось провести «розыск» (собрать свидетельские показания) об обвиняемом, конфисковать и описать его имущество и представить доклад о проведенном следствии.

Так, для расследования причин восстания ительменов на Камчатке в 1731 г. начальником Походной розыскной канцелярии, организованной для «в обидах и в разорении и сверх ясаку в излишних зборах и в лиходейственных взятках с тех иноземцев камисарами, закащиками и сборщиками и протчими служилыми людьми следовать и розыскивать и решить в непродолжительном времени», был назначен майор Якутского полка В. Ф. Мерлин [44, с. 84]. В состав Походной розыскной канцелярии входили также: Д. И. Павлуцкий (помощник Мерлина), обер-офицер, солдаты Якутского полка, 29 служилых людей, 30 казаков, канцелярист Литвинцов и «заплечных дел мастер» (палач).

В сентябре 1733 г. Походная розыскная канцелярия прибыла на Камчатку для наказания сборщиков ясака, виновных в излишних поборах, проведения ряда административных мер по упорядочению сбора ясака и успокоению местного населения. Выполнив свою функцию («по тем ея императорского величества указом в Комчедалских острогах, о чем надлежало, следовано и розыскивано, и по следствию и розыску учинены экстракты и подписаны сентенцы» [44, с. 84]), канцелярия возвратилась в Охотск осенью 1739 г.

Впрочем, деятельность розыскной канцелярии Мерлина носила больше карательный характер, изменение действующего финансового управления на Камчатке в ее задачи прямо не входило. Докладывая о результатах следствия, Мерлин отмечал: «А на каких урочищах и сколько в каждом роде ясашных людей и по сколько они в год ясаку платят и что при каждом остроге по нынешнему окладу в год ясашной казны збирается и о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца для того, что с камчацких ясашных иноземцев ясак збирается в канцелярию Охоцкого порта и присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей погодно по прежнему обычаю, також что ис русских людей с тамошних обывателей збираетца подушных и всяких окладных и неокладных зборов, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца, понеже подушные деньги и протчие зборы с русских людей — камчацких обывателей — збираютца в Якуцкую воевоцкую канцелярию, а мы кроме следствия и розыску до ясашного и до протчих ни до каких зборов в камчадалских острогах ни в чем не касались» [17, с. 190].

Вместе с тем, по свидетельству Г. В. Стеллера, «в настоящее время жизнь и условия существования ительменов стали сноснее прежнего, и былому

необузданному своеволию казаков положен некоторый предел путем издания высочайших и всемилостивейших приказов и присылкою сюда некоторых инквизиторов; и все же не приходится рассчитывать на то, что это поможет улучшению жизни на Камчатке, пока страной не будет управлять законность в лице исполнителя высочайших повелений. До тех же пор, пока сюда будут по разным соображениям присылать людей из Якутска, нет никакой надежды на быстрое оказание действительной помощи, как стране, так и туземному населению» [55, с. 140].

В другом случае в июле 1748 г. императрица Елизавета подписала следующий указ: «Известно Нам учинилось, что в Сибирской губернии находящимся разным народам нашим верным подданным, а особливо камчадалам, при ясачном сборе от определенных командиров чинятся обиды и разорения, и берут, сверх положенных в казну нашу сборов, ясак в свою корысть, и обязывают их вымышленными кабалами и письмами... для отвращения таких поступков командиров указали накрепко исследовать нашему полковнику Вульффу с прочими штаб-офицерами» [56, с. 55].

Всем обиженным императрица предложила подавать в комиссию свои прошения, «объявляя в них истину без всякой неправедной прибавки» и «без всякого опасения», комиссия же должна заниматься «правосудием». Однако этот указ был получен руководителем следственной комиссии Сибирских и Камчатских дел полковником И. П. Вульфом (находившимся в Иркутске) в период нового восстания на Камчатке — корякского бунта, «и потому нельзя было и помышлять о посылке туда следователя».

Пытаясь бороться со служебными злоупотреблениями камчатских командиров на отдаленной окраине, сибирское начальство в 1753 г. перевело главное правление Камчаткой поближе к полуострову — из Охотска в Анадырск. С конца 1750-х — начала 1760-х гг. финансовое управление на Камчатке было фактически сосредоточено в Большерецке. Именно с этого времени Большерецкая канцелярия стала выдавать «шнурозапечатанные ясачные книги» «за казенной той канцелярии печатью и шнуром... в которую надлежало записывать взятый ясак».

Так, в рапорте от 12 сентября 1762 г. казак С. Т. Пономарев и передовщик С. Г. Глотов (направленные для сбора ясака в 1758 г.) сообщали: «И тот ясак с них збирать, записывая в данную мне, казаку, за шнуром и за казенною Большерецкой канцелярии печатью книгу, котораго острова и с кого, и какими зверьми во взятые будет без проронки, и в платеже ясаков давать квитанции», «с коих народов по их склонности к подданству взято в казну е. и. в. ясака на 1761 и 1762 годы, а какими зверьми, тому при сем репорте ведомость. Так же и вышеописанную данную из Большерецкой канцелярии шнурованную записную книгу приобщаю», «а данные из Большерецкой канцелярии вышеописанные шнурованные книги тому и прочему записки за незнани-

ем приказных порядков, к тому ж, как и выше объявлено, за болезнью моею, Пономарева, не имел, кои все звери, не утаивая ничего, по присяжной должности при сем же в Большерецкую канцелярию объявляем» [46, с. 60, 62—63].

Окончательное закрепление Большерецкой канцелярии в роли руководящего органа в управлении полуостровом (в том числе, финансовом) произошло в 1769 г. после ликвидации Анадырского острога [49, с. 37].

Мы уже говорили, что при смене, и соответственно, одновременной проверке финансово-хозяйственной деятельности, новый начальник Камчатки мог столкнуться либо с ожесточенным сопротивлением сменяемого, либо с попытками прямого подкупа. Впрочем, были случаи и вымогательства со стороны новых начальников.

Так, в октябре 1754 г. при сдаче дел у камчатского командира капитана Лебедева обнаружилась крупная недостача денег и казенного вина. Принимающая сторона — капитан Василий Чередов «просил с него мировых 1 000 руб. и 100 штук соболей; но Лебедев не согласился и по доносу Чередова был отдан под суд и задержан в Камчатке до окончания этого суда». Как выяснилось в ходе следствия, Лебедев «пересылал в Якутск для продажи соболей и другие меха, а сын его Алексей пил постоянно казенную водку без платежа денег». Кстати, со временем Чередов все же смог получить требуемые 1 000 руб. За такую сумму он продал купцу Югову меха, конфискованные у того Лебедевым [51, с. 77].

В феврале 1757 г. Чередова сменил поручик Кошкарев, который при приеме дел был вынужден применить оружие, так как Чередов долго отказывался сдавать ему должность, находясь под покровительством своего сына — якутского воеводы Федора Чередова.

В итоге по результатам следствия было применено обычное наказание того времени — на сумму финансовых злоупотреблений было конфисковано нажитое Чередовым имущество, а также его жены и сына, которого к тому времени сменили с воеводства за прежние злоупотребления⁵.

За время и по причине «чередовского» правления, изобилующего многими фактами вопиющего казнокрадства, и ввиду разбирательства по произошедшему, Камчатка лишилась финансовой помощи в размере 1 000 руб. Деньги выделили на предварительные расходы «по заведению на Камчатке хлебопашества в больших размерах». В январе 1761 г. Сенат предписал выдать указанную сумму Федору Чередову, но тот, получив деньги, не поехал на Камчатку, сославшись на болезнь. В 1765 г. деньги взыскали с него обратно в казну [42].

В 1763 г. в Сибири была образована ясачная комиссия майора А. Щербачева, которая подчинялась Сенату. Комиссии, среди прочего, поручалось разбирать прошения о «грабительствах и взятках» ясачных сборщиков и других управителей. Эти жалобы должны были отсылаться «в Сибирскую губернскую

и другие тамошние канцелярии» для приведения следствия «кратчайшим образом, а не по форме судом» (то есть розыском), а виновных указывалось ссылать в Анадырский острог и на Камчатку [9, с. 340]. В этой связи необходимо обратить внимание на один очень немаловажный момент. Камчатка рассматривалась правительством большей частью как место ссылки (в том числе, в виде ссылки в службу) для неугодных лиц («государственных» или «политических» преступников, участников восстаний и противоправительственных заговоров, изменников, шпионов, самозванцев, критиков правительственного курса, военнопленных и т. п.). Но, избавляясь от преступников и людей социально неустойчивых, правительство укрепляло общественную безопасность в Сибири, неуклонно снижая ее на Камчатке.

В декабре 1763 г. на Камчатку «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков, а главное для изыскания незнакомых земель и островов» был назначен капитан-лейтенант Извеков, прибывший сюда в октябре 1764 г.

По мнению А. С. Сгибнева, «выбор Извекова для учреждения добрых порядков был сделан как будто в насмешку... Трудно было приискать кого-нибудь хуже его. Казенным имуществом и казенными суммами Извеков распорядился, как своею собственностью. Водки, провианта и других казенных припасов он употребил для своего дома в течение 5-ти лет на 68 259 руб. 84 коп. Из казенных сумм производил купцам заимообразные выдачи без всяких залогов, как, например, купцу Попову выдал 3 000 руб., не требуя с него никакого обеспечения. В то же время секретарь Извекова Портнягин взятками успел составить себе состояние и с разрешения Извекова выпил казенного вина на 572 руб. 71 коп.» [51, с. 86].

Для расследования злоупотреблений Извекова сенатским указом от 26 апреля 1767 г. на Камчатку была направлена комиссия под руководством следователя якутского карабинерного полка полковника Зубрицкого. В состав комиссии Зубрицкого входили: аудитор (в то время так называлась должность военного судьи), приказный, два копииста и 16 служилых. В сентябре 1769 г. комиссия прибыла на Камчатку, где в течение зимы проводила следствие по делу Извекова. Материалы следственного дела отправились в Иркутск, а капитан-лейтенанта Извекова приговором суда разжаловали в рядовые.

Новый начальник Камчатки — Большерецкий главный командир капитан Григорий Нилов (назначенный на эту должность следователем Зубрицким) также не смог навести порядок в камчатских финансах. «Заимообразные выдачи» казенных средств продолжались. Так, представители компании купцов московского Василия Серебрянникова, томского Алексея Аркашева и иркутского Андрея Шапошникова в марте 1770 г. получили в Нижнекамчатской приказной избе ссуду 4 000 руб. [29, с. 71]. В 1771 г. для плавания к Алеутским островам ссуда в сумме 5 000 руб. была предоставлена Федосу Холодилову.

Недостаток продовольствия на Камчатке (по причине неурожаев рыбы и эпидемии оспы) заставил Нилова выдать 1 500 руб. «заимообразно на расходы по заведению хлебопашества» посадскому Рыжкову, который не смог эффективно распорядиться деньгами, за что «его за конвоем препроводили в Иркутск» [51, с. 90—91].

Но вышеизложенные проблемы казенного управления, по сути, были мелочами, по сравнению с тем, что произошло позднее. В ночь с 26 на 27 апреля 1771 г. в Большерецке вспыхнул бунт под руководством ссыльного Августа Морица Бенъевского. Бунтовщики убили Нилова, взяли в плен отвечавшего за документальный учет казенного имущества канцеляриста Спиридона Судейкина и захватили все казенное имущество. В результате бунта потери государственной казны составили: 6 372 руб. 30 коп., 199 казенных соболей, три пушки, одна мортира, 50 гранат, 600 пуль и картечей, четыре пуда пушечного пороха, один пуд ружейного, 30 шпаг, 25 ружей, 400 пудов провианта и 11 фляг вина. Кроме этого, со всеми запасами и вооружением был захвачен казенный галиот «Святой Петр», на котором участники бунта убыли с Камчатки.

После вышеизложенных событий, в апреле 1772 г., был издан Указ Екатерины II, согласно которому «к приведению в лучший порядок и благосостояние жительствоющих» главным командиром Камчатки был назначен отставной капитан Магнус Карл фон Бем, пожалованный данным указом чином премьер-майора. По мнению Н. В. Слюнина, «назначение главным командиром Камчатки человека, облеченного личным доверием императрицы, составляет новую эру в управлении полуостровом» [54, с. 64].

Магнус Бем, прибывший на Камчатку в октябре 1773 г., «без послабления» принял действенные меры по наведению порядка на полуострове, в том числе и в финансовой сфере. Благодаря Бему доходы государственной казны на Камчатке выросли. На них содержались все камчатские служащие.

Так, в 1774 г. доходы составили 57 778 руб. 40 коп. (в том числе: ясачных сборов 2 288 руб. 70 коп., подушных сборов 419 руб. 74 коп., винных сборов 6 789 руб. 21 коп., с лавок 418 руб. 80 коп., неокладных сборов 31 854 руб. 95 коп. и десятипроцентный сбор торговой пошлины (с промыслов) 18 257 руб. 60 коп.); в 1775 г. — 32 278 руб. 74 коп. и в 1776 г. — 27 056 руб. 76 коп. При этом расходы на денежное содержание военных и гражданских служащих, а также священнослужителей на Камчатке составили 26 859 руб. 38 коп и провиантом 11 844 руб. 93 коп.

Руководствуясь предписанием иркутского губернатора Бриля: «если же денежной казны будет недостаточно, требовать из Охотска, но вообще заботиться, чтобы денег было всегда в запасе на год, а провианту на два», умелый руководитель Бем сдал при передаче дел своему преемнику коллежскому ассессору Францу Рейнеке 50 000 руб. казенных средств [52, с. 7, 14—15].

Как писал в дальнейшем сам Бем, «из порученной мне суммы не мог я нисколько употребить... не испросив наперед дозволения от высшего начальства, на что требовалось за дальностью целые два года. По любви к отечеству и тщательному исползованию должности моей, употребил я к сему малое свое имение» [31, с. 90].

Такое радетельное отношение к государственной казне было оценено по достоинству — в феврале 1780 г. Бема назначили казначеем публичной экспедиции Казенного Департамента Государственной коллегии иностранных дел.

Дальнейший ход событий в обеспечении государственного финансового контроля на Камчатке неразрывно связан с последующим этапом долгого и непростого становления на полуострове специализированного органа финансового управления — территориального казначейства.

Создание общегосударственной казначейской службы в России связано с выходом в эпоху царствования Екатерины II «Учреждений для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г., которые коренным образом изменили устройство местной власти, в том числе в части управления бюджетом и казенным имуществом. Согласно этому документу, в каждой губернии создавались казенные палаты, которые представляли собой «не что иное... как соединенный департамент Камер и Ревизион-коллегии».

В ведении казенных палат находились «домостроительные и казенные дела той губернии, как-то: ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведения о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные всякие права, казенные и публичные строения и их содержание в той губернии, с такою против Камер-коллегии отменою, что Казенная палата никого не судит...» Казенная палата также должна была «накрепко смотреть... дабы в той губернии с народа никакие запрещенные сборы собираемы не были...»

Кроме того, «Учреждениями» определялись основные функции казенных палат: «Казенная палата в разсуждении доходов и. в. старается: 1) дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были, 2) дабы доходы куда надлежит доставлены были и 3) дабы доходы в целости сохранены были».

«Казенная палата сочиняет погодно верный реестр о доходах каждого уезда той губернии и старается, дабы сии реестры были исправны и точны, и доставляет все сведения о доходах и расходах той губернии к государственному казначею».

Таким образом, находившиеся ранее под надзором губернаторов и воевод финансово-хозяйственные функции обособились ведением особой группы финансово-хозяйственных учреждений: казенной палаты в губернии и казначейства — в уезде [14, с. 162].

На Сибирь нормы «Учреждения для управления губерний Российской империи» были распространены в начале 1780-х гг., после нового админис-

тративно-территориального деления. «По высочайшему Его императорского величества указу, данному Правительствующему Сенату в 6 день марта 1783 года...» была учреждена Охотская область (с центром в Охотске), в состав которой вошли три округа: Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский.

Во взаимоотношениях с центральным финансовым органом губернии — Иркутской губернской казенной палатой, казначейское управление на Камчатке было представлено областным казначейством в Охотске [49, с. 37; 50, с. 62] и уездным в Нижнекамчатске. В их штат входили присяжные (из отставных унтер-офицеров) и казначей (соответственно, областной, либо уездный). Согласно штатам 1782 г. в Сибири создавались три казенные палаты, четыре областных и 38 уездных казначейств [15, с. 12].

Будучи подчиненными казенной палате, «которая их погодно при смене считает, и их счета поверяет», уездные казначейства заведовали всеми казенными доходами и расходами в уезде и обязаны были предоставлять в казенную палату «следующие ведомости: 1) все ли казенные доходы собраны, или 2) за чем доход не собран, 3) куда доходы употреблены, 4) есть ли за штатным расходом остаток, 5) где те остатки и 6) все ли налицо и таковою ли монетою, каковою в приход вступили».

Но уездный казначей сам не собирал доходы и являлся только хранителем сумм. Выдачи он производил по предписаниям управлений различных ведомств. Уездные казначей назначались казенными палатами под свою ответственность «из людей опытных и благонадежных» и, чтобы устранить затруднения в замещении должностей, обязывались прослужить не менее трех лет [33, с. 40].

Впрочем, казначей мог быть оставлен «на другое трехлетие и далее, но с тем, чтобы таковой казначей непременно сочтен был надлежащим образом во всех его приходах, расходах и в остающихся из года в год недоимках». Казначей при вступлении в должность давал подписку об ознакомлении с возможностью привлечения его к уголовной ответственности за совершение определенных действий «без дозволения» казенной палаты.

Уездные казначейства находились в большой зависимости от земских исправников. Статья 143-я «Учреждений», в частности, предусматривала, что «буде же уездный казначей станет мешкать в приеме сбора или в отдаче расписок о приеме, и на него в том жалоба будет нижнему земскому суду, тогда земской исправник должен казначею напомнить об исполнении его должности и о том уведомить казенную палату, дабы не исправные по мере их вины и воздаяние получить могли». Такая зависимость, по справедливому мнению В. Е. Зубова и А. К. Кириллова, в условиях Сибири выглядела оправданной, поскольку земский исправник сосредотачивал в своих руках всю полноту власти в уезде, а обращение непосредственно в казенную палату затруднялось большим расстоянием до губернских центров [15, с. 13].

Однако, на наш взгляд, в случае с Камчаткой исправник не столько контролировал, сколько фактически управлял уездным казначейством. Другими словами, первоначально уездным казначеем на Камчатке являлся сам исправник. При этом прямая зависимость работы камчатского казначейства от указаний руководителей Камчатки сохранялась и позднее.

Предположительно, Нижнекамчатское уездное казначейство было образовано в период с октября 1784 по февраль 1785 г., когда в Нижнекамчатске сформировались предусмотренные «Учреждениями для управления губерний Российской империи» уездные органы управления.

По нашему мнению, именно в связи со становлением казначейства на Камчатке в сентябре 1784 г. с отдельными полномочиями («...ему предоставлены были отдельные права над округом, с тем только, чтобы он содействовал городничему в делах управления» [52, с. 24]) в должность капитана-исправника Нижнекамчатской округи вступил барон коллежский асессор Иоганн Готфрид Штейнгель. Как позже напишет об этом его сын — декабрист Владимир Штейнгель, «так как сей отдаленный край весьма еще мало был известен, то правительство, желая иметь о нем лучшие сведения, имело нужду в чиновнике, имеющем отличные сведения, который бы решился туда ехать» [60, с. 63].

При этом И. Г. Штейнгель, прибыв в Нижнекамчатск, сразу же вступил в конфликт с комендантом Нижнекамчатского острога майором Орленковым, ибо «...подчиненные чиновники из отставных камер-лакеев, почтальонов, курьеров и тому подобных людей» — есть толпа «безнравственных невежд, приехавших в Камчатку с единственную целью обогатится и пожить на счет безгласных и угнетенных ее жителей» [60, с. 63—64].

Особое внимание обращают на себя правила, которые И. Г. Штейнгель с целью соблюдения казенного интереса пытался установить в бюджетно-налоговой сфере. Так, 26 и 27 августа 1786 г. в Петропавловске он участвует как представитель власти в торговой сделке между купцом Г. И. Шелиховым и В. Питерсом (которые ждали «отложу при том торг до прибытия камчатского начальника») для обеспечения уплаты пошлин за привозимые английские товары. «Чрез него на французском языке условились о пошлине с тем, что какая вышним правительством положена будет, таковую обязались они безотговорочно заплатить, и тогда начали производить торг» [44, с. 199—200, 244]⁶. По договору уплата пошлин производилась путем передачи части товаров в государственную казну.

Такое положение соответствовало общему состоянию денежного обращения и взаиморасчетов на Камчатке. В январе 1788 г. участник кругосветной экспедиции Ж. Ф. Лаперуза Жан Батист Лессепс, отмечая, что на Камчатке «ходячие монеты суть Имперялы золотые, рубли, полтины, мелких серебряных денег очень мало; медные и ассигнации не вошли еще в упо-

требление на сем полуострове», указал что «всякий тойон (выборный старейшина. — *Д. К.*) собирает подушной оклад в своем остроге и отвозит его потом в Государственное казначейство, но наперед каждому Камчадалу дает расписку своей руки в получении с него подушного оклада, или замечает своей печатью, либо каким нибудь знаком...» [28, с. 134—135]⁷.

Свидетельства о существовании казначейства на Камчатке в 1780-х гг. мы находим и в документах Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием капитан-лейтенанта Иосифа Иосифовича Биллингса.

12 сентября 1789 г. Биллингс извещал Адмиралтейств-коллегию о том, что из 40 000 руб. предполагаемых расходов («встретится могущие расходы в деньгах») им было получено в Якутске только 20 000 руб., «а достальная, то ж 20 000 руб., оставил получить из камчатского казначейства, где непременно я быть должен...» [46, с. 256].

В письме от 12 августа 1791 г. Биллингс (после своего личного пребывания в Нижнекамчатске) предписал своему помощнику — Г. А. Сарычеву «получить известие и о деньгах, его высокопревосходительством к пересылке казенной палате предложенных, составляющих сумму 13 465 руб. 34 коп. от Нижнекамчатского уездного казначейства, и есть ли оныя вами получены будут, употреблять на расходы, могущие случиться, и на жалованье находящимся в команде вашей чинам» [46, с. 297]⁸.

Как видно, Камчатское казначейство в конце XVIII в. действительно существовало. Это также прямо подтверждается описанием Иркутской губернии, согласно которому в конце 1790-х гг. камчатское уездное казначейство находилось в Нижнекамчатске [6, с. 223].

Мнения о переводе казначейства из Нижнекамчатска, вероятно, возникли после ноября 1794 г., когда купец Г. И. Шелихов в своем донесении Иркутскому генерал-губернатору И. А. Пилю сообщил о неудобстве расчетов за перевозку людей и имущества в Нижнекамчатске: «...казенные суда единственно в Охотске для того только и содержатца, чтоб на них перевозить казенной и партикулярной груз и людей, и путь онаго судна... до Петропавловской гавани в Камчатке состоящей, или до города Гижиги, и очень ближе, нежели до Нижнекамчатского города». В этой связи Шелихов просил: «Сколько же за весь груз и пассажиров придется по установленному там порядку получить в казну перевозных денег, оныя с меня взскасть в Охотске». Так и сделали. Пилю предписал охотскому коменданту взыскать в Охотске с Шелихова «в казну подлежащее число за тех людей и груз перевозных денег, по положению указом Правительствующего Сената установленному» [44, с. 355—356, 372—373], а у руководства полуострова появились планы перевести казначейство ближе к источнику казенных доходов — в Петропавловскую гавань.

Однако 11 августа 1803 г. вышел именной указ «Об устройстве областного правления на Камчатке и предварительного управления в Охотске». По этому указу Камчатка впервые выделилась в самостоятельную область во главе с комендантом, который одновременно назывался и «правителем области Камчатской». Комендант и областное правление находились в Верхнекамчатске. Здесь же пребывало и областное казначейство, в котором состояли казначей, четыре присяжных и канцелярские служители [49, с. 40].

О работе казначейства в период его перевода из Нижнекамчатска в Верхнекамчатск нам ничего не известно, но очевидно, что оно мало препятствовало казенным растратам. В 1802 г. на смену «особому военному начальнику Камчатки» А. А. Сомову прибыл генерал П. И. Кошелев, который, приняв должность коменданта, установил, что Сомов и большинство его офицеров занималась казнокрадством: «...провиант выписывался в расход и продавался частным лицам чрез посредство прикащиков Российско-Американской Компании. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох компании, которая сбывала его туземцам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у компании весь порох и записал его на приход казны, арестовал прикащика компании Хлебникова за его мошенничество» [52, с. 41].

В ноябре 1806 г. П. И. Кошелева отстранили от должности, и на его место назначили генерал-майора Петровского. Однако этот выбор оказался крайне неудачным. Петровский занялся «самым широким грабительством, собирая лисиц... участвуя в торговле с купцами, продавая им провиант», и довел Камчатку «до обнищания» [54, с. 79—80]. Для расследования преступлений Петровского осенью 1812 г. из Иркутска прибыл майор Тараканов [52, с. 51].

Во время руководства Петровского (1806—1812 гг.) казначейство уже находилось и действовало в Петропавловске. По свидетельству В. М. Головина, в 1809 г. среди годных жилых строений в Петропавловском порте находился казенный дом для канцелярии и казначейства [65]. В своем дневнике Головин отмечал: «В начале декабря пришла в Петропавловскую гавань нижнекамчатская почта, с которой получил я от областного начальника, господина генерал-майора Петровского, ответы на мои к нему отношения. Его превосходительство согласился предписать здешнему казначейству производить нам жалованье за текущее время...» [11, с. 274].

Очередные изменения в административном устройстве Камчатки произошли в 1812 г. По результатам работы Комитета по преобразованию управления Камчатки и Охотского края, 9 апреля 1812 г. вышло новое Положение об управлении Камчаткой, составленное в связи с тем, что «настоящее областное в Камчатке правление, яко слишком для края того обширное и многосложное» было решено упразднить. Оказалось ликвидировано и действующее камчатское областное казначейство.

В дополнение к указанному положению была подготовлена подробная инструкция, ставшая главным руководством для деятельности камчатских начальников вплоть до середины XIX в. В этой инструкции отмечалось, что «часть казначейская остается в настоящем ее положении, и начальник Камчатки обязан лично наблюдать, чтоб все узаконения и от казенной экспедиции предписанные правила хранения казны, ежемесячного оной при самом начальнике свидетельствования, неприкосновенность сих последних без ассигнования казенной экспедиции и прочее исполнены были со всею точностью», а «ежегодную подробную ведомость о приходе, расходе и остатке хлеба и о вырученных и отосланных в казначейство деньгах начальник обязан предоставлять в казенную экспедицию». При этом начальнику Камчатки в части доходов и расходов по Петропавловской гавани особо предписывалось «подробные ведомости... предоставлять главному начальству и в казенную экспедицию по окончанию каждого года, с предоставлением в последнюю и шнуровой книги, в которую со всей исправностью должен быть вписываем приход сумм собственноручно самими вносителями, а расход с расписками получателей».

В целом «главнейшей обязанностью» начальника Камчатки «по части хозяйственной» являлось «изыскание способов или источников к приращению, по возможности, доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей» и, кроме того, «иметь прилежный надзор, чтобы камчадалы, внося ясак натурою, не теряли ничего в ценах, и казна была бы в выигрыше, получая оный наиболее зверем сколь можно лучшей доброты».

Следует особо отметить и те задачи по достижению экономической эффективности управления Камчаткой, в соответствии с которыми начальник Камчатки, «как единственный хозяин сей области, ведающий подробно внутреннее состояние оной, должен прилежно изыскивать все возможные средства, или новые неизвестные еще доселе источники, к доставлению особых доходов казне, без отягощения, а тем более без разорения жителей, и чрез то привести сей отдаленный край относительно содержания оного в такое положение, чтобы ежели не с избытком, то, по крайней мере, те издержки возвратились в казну, какие по штату выходят на содержание тамошнего начальства».

Для достижения этого при начальнике Камчатки была учреждена канцелярия, состоявшая из секретаря и трех канцелярских служителей. «Штатные издержки» начальнику Камчатки разрешалось производить «не требуя на то разрешения», а «сверх того, в непредвиденных и неотлагательных случаях употреблять ему, буде то для пользы казенной необходимо нужно, до 5 000 руб., донося всякий раз, сколько, на что и по каким важным и особенным причинам издержано», но при этом «стараясь как можно умерить сии расходы» [8, с. 21].

Между тем, инструкцией начальнику Камчатки, в связи с тем, что «в настоящем состоянии Петропавловской гавани нельзя полагать, что там нашлись такие казенные дома, которые удобны и приличны были бы», вероятно, предполагая возможность возобновления работы казначейства на Камчатке, начальнику было разрешено «выстроить дом, разделяя на особые корпуса», из которых «третий корпус для казначейства, для хранения ясашной рухляди и всякой другой казны».

В мае 1817 г. из Охотска в Петропавловск прибыл новый начальник Камчатки капитан 1-го ранга П. И. Рикорд. В это время на полуострове сложилась тяжелая ситуация, «казенные припасы, лекарства были исчерпаны. Камчатка нуждалась в дополнительных источниках снабжения...» [31, с. 160]. Бедственное положение дел совпало с общей, удручающей ситуацией в государственном управлении Сибирью.

Для исправления положения 22 марта 1819 г. генерал-губернатором Сибири был назначен М. М. Сперанский, которому поручалось проведение ревизии управления краем. В ходе ревизии выявились вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества, более четырехсот нарушителей государственной дисциплины отдали под суд. По ее результатам Сперанский подготовил записку о состоянии дел на Камчатке [9, с. 598].

В октябре 1819 г. П. И. Рикорд обратился к Сперанскому с проектом преобразования Петропавловской гавани в «звание настоящего порта». К проекту обустройства порта прилагался список предполагаемых строений, согласно которому в 1819—1820 гг. при сооружении казенных зданий планировалось «выстроить новые строения на казенный щет», в том числе здание, в котором следовало разместить канцелярию начальника, казначейство, провиантскую и архив [34, с. 208].

Однако в письме М. М. Сперанского от 30 июня 1820 г. в адрес морского министра отмечается, что «в последовавшем в Государственном совете мнением о необращении экстраординарной суммы на строение невозможно было разрешить начальнику Камчатки отсюда употреблять сию сумму» [66]. Таким образом, по причине несогласованности действий при выделении средств запланированное к постройке в Петропавловске здание казначейства в 1820-е гг. так и не появилось.

В феврале 1821 г. был учрежден Департамент Государственного Казначейства Министерства финансов Российской Империи, который разделялся на две главные части: распорядительную и счетную. При этом счетная часть Департамента включала в себя контроль и бухгалтерию. Но в части организации работы территориального казначейства на Камчатке каких-либо предложений сделано не было.

Между тем, в соответствии с «Учреждением для управления Сибирских Губерний», утвержденным 22 июня 1822 г. императором Александром I, было

образовано Камчатское приморское управление, состоящее из начальника, его помощника и положенных управлению чиновников, то есть осталось «на прежних штатах». В то же время во главе казенной части Охотского приморского управления стоял окружной казначей с четырьмя присяжными счетчиками [49, с. 44].

В 1827 г. помощник начальника Камчатки А. В. Голенищев направил в Государственный совет «Записку о преобразовании Камчатского края», где, в частности, предложил перевести местные органы управления (в том числе их финансовую составляющую — казначейство) в Верхнекамчатск [6, с. 186]. Это, вероятно, и побудило центральные органы управления пересмотреть свои взгляды на работу казначейской службы. Возможно, в этой связи и было принято решение о разработке плана «на построение в Петропавловском порте казначейства» [8].

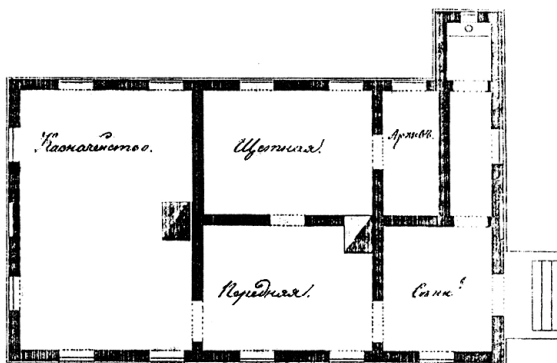
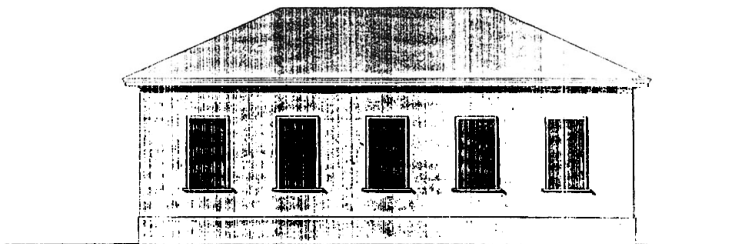
План предполагаемого к построению здания казначейства предусматривал отдельные помещения, исходя из специфики работы и разделений функций данного финансового органа: одна комната — непосредственно для казначейства, а вторая — «щетная» — помещение для работы контролеров казначейства. Но, как уже указывалось выше, здание казначейства в Петропавловске построено не было.

Следует подробно остановиться на одном интереснейшем эпизоде, давшем, на наш взгляд, очередной импульс к развитию казначейства на Камчатке. 28 сентября 1828 г. начальник Камчатки Ф. Е. Станицкий сдал должность А. В. Голенищеву, которому впервые из камчатских начальников было дано право «по делам гражданского управления особой важности сноситься прямо с министром внутренних дел, помимо Сибирского начальства».

30 июня 1829 г. А. В. Голенищев в рапорте министру внутренних дел доложил, что командир Тигильской крепости Я. Е. Забела, «будучи отдален от Петропавловского порта тысячеверстным расстоянием, удобным к частным сообщениям в одно зимнее время, и не имея притом постоянных правил для руководства в своих распоряжениях, нередко должен затрудняться в ожидании разрешений на донесения свои, в то время как необходимость требует скорейших и решительных мер, или для пользы жителей, или для соблюдения казенного интереса...» По этой причине Голенищев предоставил Забеле особые полномочия, «коими он в исправлении обязанности своей должен руководствоваться, представляя... в урочное время подробные о действиях своих отчеты...» [67].

Однако уже в сентябре 1830 г. при приемке дел новым комендантом Тигильской крепости П. Ф. Кузмищевым было обнаружено, что Я. Е. Забела во время своего руководства крепостью совершал различные противозаконные поступки, в том числе расходовал казенные средства на строительство больницы, не предоставляя какую-либо отчетность. За это Забела арестовали

Планъ и Фасадъ на постройкѣ въ
Петропавловскомъ Портѣ (Казначействѣ)

Высота 6' 2" 1/2
6' 1" 1/2

Проект здания Петропавловского казначейства, 1829 г. [8]

и отправили в Охотск. В Охотске по результатам проведенного следствия все обвинения (кроме незаконных казенных расходов, также вменялось участие в масонских ложах, незаконная торговля и взятки), за исключением отсутствия отчетов по расходованию средств, с Забелы были сняты, а его содержание под стражей признано несправедливым. Что же касается начальника Камчатки А. В. Голенищева, то ему было сделано «строгое замечание за несоблюдение должного к офицерскому званию приличия» [68].

Пока шло следствие по делу Я. Е. Забелы, с 14 января по 4 апреля 1832 г. «по округе Камчатской для обозрения благосостояния жителей» комплексную ревизию «освидетельствования всего казенного имущества» провел помощник начальника Камчатки капитан-лейтенант И. В. Сарычев [69]. Но этого оказалось мало. Упрекая А. В. Голенищева в предвзятости к Я. Е. Забеле, в 1832 г. генерал-губернатор стал требовать от начальника Камчатки подробных отчетов в расходовании денежных сумм и запретил ему без своего разрешения распоряжаться средствами, выделенными на непредвиденные расходы [52, с. 89].

В июне 1836 г. А. В. Голенищев, сдавший 11 октября 1835 г. должность начальника Камчатки капитану 1-го ранга Я. И. Шахову, выехал с полуострова в Иркутск «для отдания отчетов по управлению». Шахов же донес генерал-губернатору Восточной Сибири, что Голенищев привел край в самое бедственное положение и расстроил все прежние полезные учреждения [52, с. 89—90].

Здесь, возможно, и встал вопрос о возврате казначейства — гаранта правильности казенных расходов. Это совпало с изменением работы казначейских органов по всей России. Так, в 1837 г. уездным казначеям была дана Высочайше утвержденная инструкция, точно определявшая предметы их деятельности, пределы власти, порядок приема платежей, выдачи и хранения сумм, ведения книг и отчетности.

Исходя из имеющихся архивных данных, в 1837—1839 гг. казначеем Камчатского казначейства являлся Василий Андреевич Федоров (отец будущего известного русского писателя И. В. Федорова-Омулевского. — *Д. К.*), а бухгалтером — Станислав Бельский [70].

С 1840 по 1847 г. в должности казначея пребывал Михаил Николаевич Зарудный (из дворян, окончивший Полтавскую губернскую гимназию и частный пансион наук). После окончания казначейских полномочий он служил архивариусом при Петропавловском порте, губернским секретарем. Бухгалтером казначейства при Зарудном оставался С. Бельский. При этом присяжным Камчатского казначейства в 40-х гг. XIX в. был Яков Ольгин [71; 72].

2 декабря 1849 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева был издан высочайший указ об образовании особой области, «которой именоваться Камчатской областью». Управление ею вверялось

«военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства», а местом пребывания губернатора определялся Петропавловский порт.

В феврале 1850 г. на должность Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко, прибывший в Петропавловск в начале августа 1850 г.

В соответствии с Положением об управлении Камчатской областью от 10 января 1851 г., управление территорией разделялось на общее и частное. В последнее вошло Петропавловское окружное казначейство, которое, будучи общим для всех округов Камчатской области, — Петропавловского и Гижигинского, ведало делами казенного хозяйства. При этом надо сказать, что в документах рассматриваемого периода можно встретить и наименование «Камчатское областное казначейство» (например, в послании генерал-губернатора Н. Н. Муравьева Камчатскому военному губернатору В. С. Завойко от 19 ноября 1854 г.). Однако, исходя из переписки камчатского казначейства тех лет и вышеуказанного Положения об управлении Камчатской областью, данный территориальный орган Министерства финансов официально именовался «Петропавловское окружное казначейство».

Традиционно предметами ведения казначейства того времени являлись «сбор всякого рода доходов по окладным книгам и росписям», в том числе «сбор ясака наличного звериными кожами, обращение его в продажу и доставление остального по назначению»; «хранение сумм, вверенных казначейству от разных мест»; «производство расходов по точным назначениям Казенной палаты»; «месячные выписки и годовые отчеты доходов, расходов и остатков»; взыскание недоимок, а также прием неокладных сборов — пошлин, сборов за гербовую вексельную бумагу и за паспорта.

Однако, несмотря на то, что полномочия, порядок деятельности и отчетность окружного казначейства на Камчатке соответствовали общим установленным правилам и формам, Положением об управлении Камчатской областью для Петропавловского окружного казначейства был сделан ряд существенных исключений (кстати, в дальнейшем аналогичные исключения для казначейств в Восточной Сибири повторились в отношении Приморской области — по положению от 31 октября 1856 г. и Амурской области — по положению от 8 декабря 1858 г.).

Во-первых, в отличие от других сибирских окружных казначейств, опекавшихся вышестоящими казенными палатами, контроль за деятельностью Петропавловского казначейства был передан большей частью в ведение Камчатского военного губернатора. Он, в частности «для счетных дел», назначал «особенное присутствие чиновников», контролировал проведение «срочного освидетельствования Казначейства», да и в целом, имел право как лично, так и через доверенных должностных лиц, «делать Казначейству внезапные осмотры». Кроме того, казначейство было обязано предоставлять губерна-

тору копию годового отчета о своей деятельности, сведения из которого включались в общий губернаторский отчет по управлению областью.

Во-вторых, что касается плательщиков казенных доходов, то Петропавловское казначейство было лишено возможности самостоятельно «причислять вновь и исключать из оклада податного и ясачного, не иначе, однако, как по предписаниям Военного Губернатора». Данные предписания казначейство было обязано предоставлять по окончании финансового года в казенную палату вместе со счетными книгами и отчетами казначейства для ревизии.

В-третьих, без предписаний военного губернатора казначейством не могли осуществляться и государственные расходы. При этом, в случае недостатка в казначействе наличных денег на определенные расходы по области, военному губернатору предоставлялось право «входить с представлениями о высылке денег прямо к Генерал-Губернатору, который обязан распорядиться чрез одну из Казенных Палат Восточной Сибири об отправке туда нужной суммы из ближайших казначейств, доводя вместе с тем о сем распоряжении до сведения Министра финансов».

Исторические источники довели до нас пример, свидетельствующий о нарушении вышеизложенного порядка санкционирования расходов. Так, 29 октября 1851 г. «по случаю розбития корабля Российско-Американской компании “Шелихов” и не привоза на оном для частной продажи муки» В. С. Завойко распорядился принять «в магазин провиантский Морского ведомства только на пробу 40 бочек весом 277 пудов 31 фунт» общей стоимостью свыше 450 руб., выдав при этом гражданину США Кушину квитанцию на получение наличных денег в Санкт-Петербурге [73].

Для рассмотрения самовольных финансовых действий камчатского военного губернатора в августе 1852 г. в Адмиралтейском совете был создан специальный комитет. На сторону Завойко встал полковник Бурачек, подавший в комитет свое особое мнение, отметив, что новый камчатский губернатор многое сумел сделать, несмотря на «беспомощность начальника в стране пустынной и отдаленной от центра всяких источников, великую тесноту форм отчетности, прежде всего требующей разрешения на всё и строго возбраняющей всякое начинание».

Вместе с тем Бурачек предлагал организовать местный контроль в духе административной системы, предложенной Сперанским для Сибири. Понимая, что Камчатка не нуждается в сложном административном устройстве, Бурачек считал возможным учредить при камчатском губернаторе постоянно действующий совет, в который бы вошли старшие чины Петропавловского порта, а также чиновник от Государственного контроля и доверенные лица от Сената и Синода. Однако какие-либо действия по предложению Бурачека не последовали, а расходы отнесли «по смете 1852 года, на заготовление провианта ассигнованной» [43, с. 30].

18 сентября 1853 г. Адмиралтейский совет предоставил камчатскому губернатору более широкое право в экстренных случаях использовать деньги, выделяемые Морским министерством, и перераспределять их по статьям расходов, предписав В. С. Завойко, чтобы «на будущее время, в случае необходимости в заготовлении для Петропавловского порта припасов и вещей по распоряжениям тамошнего местного начальства», он доносил Комиссариатскому департаменту Морского министерства «как о сделанном распоряжении к заготовлению, так и о причинах заготовления...» [73].

К слову, надо сказать, что ожидание ревизии камчатских финансовых дел и изолированность финансового управления на полуострове, вероятно, накладывали свой отпечаток и на культурную жизнь Камчатки того времени: в Петропавловске был поставлен первый любительский спектакль — бессмертная комедия Н. В. Гоголя «Ревизор».

Дошедшие до нас архивные источники сообщают, что в 1850—1852 гг. Петропавловское окружное казначейство было представлено казначеем титулярным советником Станиславом Бельским (как уже указывалось выше, служившим ранее бухгалтером, а с 1848 г. окружным казначеем), канцелярским служителем 3-го разряда бухгалтером Игнатием Смирновым, канцелярским служителем 2-го разряда писцом (коллежским регистратором, исполняющим должность журналиста — должностного лица, делавшего ежедневные записи в специальных книгах-журналах) Яковом Ляве, а также присяжными из отставных чинов Егором Дюковым и Иваном Малковым [74].

Согласно типовым штатам того времени, жалованье окружного казначея составляло 500 руб. серебром в год и 250 руб. столовых. По должности казначей относился к 8-му классу табели о рангах и 8-му разряду шитья на мундире. Годовое жалование бухгалтера составляло 300, журналиста — 200 и присяжного — 150 руб.

Известно, что в январе 1854 г. на должность писца казначейства по распоряжению губернатора В. С. Завойко был прикомандирован писец Петропавловского окружного суда Бутаков, работавший в казначействе под руководством бухгалтера Игнатия Смирнова [75].

В ноябре 1854 г. исполняющий обязанности казначея окружного казначейства титулярный советник Дружиловский отмечал, что «в настоящее время состоит на службе в здешнем казначействе только бухгалтер Смирнов. Прочие сии как-то: казначей Бельский, писец Ляве и присяжный Малков находятся в отставке. Первый выбыл в Каменск-Подольск, второй в Киев, а третий в Иркутск. Что касается до присяжного Дюкова, то он помер» [74].

С мая по декабрь 1853 г. в Петропавловске вместо ветхого здания казначейства, купленного в конце 1830-х гг., было построено новое здание, в котором расположились казна, присутствие, казначейство, а также канцелярия камчатского военного губернатора [8, с. 38]. О конкретном месте, где находи-

лось указанное здание в Петропавловске, сведений не сохранилось, но известно, что просуществовало оно недолго.

Отдельные современные исследователи полагают, что указанное «пустовавшее здание казначейства» сожжено англо-французским десантом при занятии Петропавловска летом 1855 г. На наш взгляд, подобные версии, появившиеся, видимо, из-за подмены понятий «казенные магазины» и «казначейство» сомнительны.

Приведем любопытное, но весьма осторожное свидетельство очевидца тех лет — горного чиновника Карла фон Дитмара. В своих воспоминаниях он, описывая события, произошедшие в Петропавловске зимой 1853—1854 гг., отмечал, что в результате случившегося пожара «канцелярия с архивом сгорела дотла, в этом, впрочем, скоро утешились: во-первых, никого из обывателей это непосредственно не коснулось, так как там никто не жил, а затем ведь такова и судьба канцелярий и подобных учреждений, что архивы, большей частью, содержимые в большом беспорядке, легко загораются. Огонь — часто лучшее средство против беспорядка и упущений» [13, с. 571].

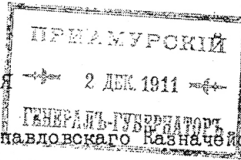
Как видно, здание окружного казначейства, где во время К. Дитмара располагалась канцелярия губернатора, было уничтожено огнем до нападения англо-французской эскадры.

После героической Петропавловской обороны в августе 1854 г., в марте 1855 г. было решено перенести порт в устье Амура. Весной 1855 г. Петропавловское окружное казначейство перевели в Николаевск-на-Амуре, где оно продолжило свою работу при гражданском управлении Камчатского военного губернатора предположительно до октября 1856 г.

В соответствии с указом императора Александра II от 31 октября 1856 г. была образована Приморская область. Сенату предписывалось: «В состав оной обратить теперешнюю Камчатскую область». Управление Приморской области разделялось на общее и частное. В состав частного управления вошло Николаевское окружное казначейство, ставшее общим для всех округов Приморской области, в том числе и Петропавловского.

Во второй половине XIX в. управление Камчаткой упростилось до предела. Все областные учреждения были переведены в Николаевск-на-Амуре. Камчатка более чем на полвека превратилась в глубокое захолустье, забытую окраину России. Хронический недостаток средств на освоение и отсутствие объективных сведений о положении дел в «северных округах» вынуждали правительство мириться с определенной самостоятельностью местной администрации [48, с. 211].

Между тем, в начале XX в. угроза экономического захвата Камчатки японцами и неутешительные итоги русско-японской войны (1904—1905 гг.) заставили правительство вновь обратить внимание на свою восточную

К О П И Я

2 ДЕК. 1911

отношения К а з н а ч е я Петропавловскаго казначейства отъ 166
19-го Октября 1911 года за № 1107.-

Его Превосходительству

Господину К а м ч а т с к о м у Губернатору.

Въ исполненіе личнаго приказанія доношу Вашему Превосходительству, что съ 1-го Ноября минувшаго 1910 года / день открытія Казначейства / по сіе число внесено вкладовъ въ Сберегательную кассу при Казначействѣ по 540 взносовъ всего 193 тысячи рублей; изъ нихъ за это время, выплачено и переведено на другія кассы по 40 книжкамъ 40000 руб. и куплено для вкладчиковъ $\frac{1}{2}$ бумагъ на 21 тысячу рублей, каковыя хранятся въ кассѣ. Остальные 500 вкладовъ на 132 тысячи рублей, кромѣ $\frac{1}{2}$ бумагъ, принадлежать: 23 вклада мѣстнымъ церквамъ на 6000 руб., 65 вкладовъ камчадалскимъ сельскимъ обществамъ на 23000 руб., 217 - мѣстнымъ камчадаламъ на 38000 руб.; остальные же 195 вкладовъ на 65 тысячъ рублей - пришлымъ временно разночинцамъ. Вынутые вклады принадлежали разночинцамъ. -

Подлинное подписалъ: Казначей В. И л ь и н с к і й. -

Съ подлиннымъ вѣрно:

Младшій Дѣлопроизводитель

Письмо казначея Петропавловскаго казначейства В. Ильинскаго губернатору Камчатской области В. В. Перфильеву от 19 октября 1911 г. с сообщением о работе Сберегательной кассы с момента открытія казначейства — 1 ноября 1910 г. [76]

территорию. Для финансовых ревизий на Камчатку стали командироваться чиновники Приморского областного правления: в 1903 г. — поручик Иванович, в сентябре 1905 г. — А. П. Сильницкий, в июле 1906 г. — А. В. Суханов, в 1907 г. — Ф. Ф. Сомов.

В 1909 г. были приняты законы о переустройстве Приморской области, по которым была восстановлена Камчатская область во главе с губернатором. На должность губернатора 22 июля 1909 г. был назначен Василий Власевич Перфильев, в августе этого же года прибывший в Петропавловск.

Именно благодаря В. В. Перфильеву, 1 ноября 1910 г. на Камчатке вновь начало свою работу Петропавловское казначейство под руководством В. Ильинского [76].

По прошествии более чем двух веков на Камчатку в 1909 г. впервые был назначен постоянный представитель органа государственного финансового контроля — Амурской контрольной палаты. Им стал младший ревизор (фактический контролер) И. Гильцебах.

В этой связи необходимо отметить, что еще в ноябре 1903 г. наместник царя на Дальнем Востоке в Порт-Артуре, выступая с предложениями «о выделении северных уездов Приморской области в особую Камчатскую область», отмечал, что «контроль распорядительных управлений Камчатской области в отношении расходования сметных кредитов и движения сумм по кассам специальных сборщиков будет подан Амурской контрольной палате, в виду же отдаленности контрольной палаты от области представлялось бы целесообразным, чтобы в Петропавловске находился постоянно один из членов палаты в виде старшего ревизора или контролера для проверки отчетности на месте, подобно тому, как это установлено на острове Сахалин. Этот представитель контроля входил бы в состав общего присутствия управления в качестве члена при рассмотрении дел в присутствии, связанных с интересами казны. Кроме того, он мог бы участвовать в практическом контроле и при всякого рода сметных работах» [77].

Таким образом, в 1909 г. начинается хронология событий, связанных с деятельностью специализированных органов государственного финансового контроля на Камчатке, а также с работниками этих органов — людьми, внесшими свою лепту в совершенствование экономики и финансового обеспечения полуострова.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование вопросов государственного финансового контроля на Камчатке в XVIII — начале XX вв. подтверждает, что при всех различиях с сегодняшним днем прослеживается общность его условий и задач. В первую очередь, особенность государственного финансового контроля на Камчатке во многом обусловлена отдаленностью полуострова от материковой части России, в силу чего он и в наши дни носит изоляционный характер. Анализ его становления выявил особое

предназначение — удовлетворение экономических и политических интересов государства на полуострове с поэтапным встраиванием Камчатки в общеимперскую государственную систему.

Бесспорно, что государственная финансово-контрольная система может быть признана сформированной, если она имеет конкретные признаки [26, с. 15]. Камчатка здесь не исключение: признаки государственного финансового контроля, как неотъемлемого атрибута государственной власти, встречаются на протяжении всего периода нахождения полуострова в составе России. Становление финансово-контрольных институтов на Камчатке в рассматриваемый период было теснейшим образом связано с особенностью освоения полуострова, а также с социально-экономической, административной и национальной политикой государства в северо-восточных регионах. Долгое время центральные власти искали различные варианты оптимальной управляемости Камчаткой, в том числе настойчиво изыскивались наиболее эффективные и действенные формы обеспечения финансового контроля.

Сегодня, думая о будущем Камчатского края, стремясь выявить реальные перспективы его развития, необходимо изучать и вдумчиво относиться к опыту российской государственности, на всех этапах развития которой особое место отводилось финансовому контролю.

Только от нас зависит, в каком образе мы предстанем перед потомками: или как недалёковидные и непоследовательные в своих действиях, или как вдумчивые и взвешивающие каждый свой шаг, каждое решение служащие своей великой страны.

КОММЕНТАРИИ

¹ Говоря о Михаиле Зиновьеве (Многогрешном), следует также отметить его весьма энергичные усилия по упрочнению позиций русских в управлении регионом: совершил поход из Верхнекамчатского острога по реке Камчатке и «всех немирных камчадалов в ясак привел, иных ласкою, а иных войною», перенес Нижнекамчатское (Еловское) зимовье («ясашную избу и зимовья с Еловки реки»), перевел часть анадырских служилых с реки Уки (Укинских зимовий), а также инициировал постройку Большерецкого острога, после чего «...таким образом приведши Камчатские дела в некоторый порядок, щастливо в Якутск возвратился с ясачной казною» [24, с. 196; 51, с. 14].

² Эта работа, по сути, является первым экономико-географическим описанием России и содержит наиболее полные сведения о реальных доходах и расходах государственного бюджета России за 1725 г. В книге также упоминаются должности первых финансовых контролеров и администраторов Камчатки: «На реке Камчатке первой острог Нижней, другой Верхней, третьей Большерецкой. В те остроги посылаются прикасчиков два, толмачи, подьячие, целовальники да служилых людей человек по 100, да жилых служилых же во всех от острогах со 150 человек...» [19, с. 300]. Кроме того, добавим, что И. К. Кириллов вместе с географом И. Н. Делилем

составлял карты для Второй Камчатской экспедиции, являлся автором проекта доклада по активизации исследований на Дальнем Востоке, а также проекта инструкции начальнику Охотского порта и иных важнейших документов того времени (по вопросам улучшения коммуникаций на Дальнем Востоке, заселения края, льготях для купечества, укрепления русских форпостов) [12, с. 140].

³ Надо сказать, что северо-восточные экспедиции XVIII в. много привнесли в становление государственного финансового контроля на Камчатке. Как верно заметил Л. А. Гольденберг, «главной особенностью северо-восточных экспедиций XVIII в. стало тесное переплетение решаемых ими государственных задач социально-политического, экономического и научного характера. Экспедиционная активность в XVIII в. была предопределена развитием общеисторических процессов и явлений — потребностями всероссийского рынка, борьбой России за выход к морям, практическими интересами чиновничье-дворянской монархии» [12, с. 6].

Например, в инструкции Адмиралтейств-коллегии В. Й. Берингу об организации Камчатской экспедиции (январь 1725 г.) три из девяти пунктов посвящены вопросам обеспечения действенного государственного финансового контроля. Так, пункт 3-й гласит: «Денежного жалованья вам и команды вашей служителем на 725 год послано с вами надлежаще число суммою сполна, и для записки приходу и расходу дана прошнурованная за печатью книга, которую производить вам всем команды вашей служителем на сей 725 год по заслужении третей по окладам их, как регламент повелевает». Пункт 5-й целиком посвящен тому, что «на платеж прогонов и на всякие приключившие в пути и по прибытии тамо нужнейшие расходы послано с вами денежной казны 1 000 рублей и для записки дана прошнурованная книга» (об этом же сказано и в 6-м пункте инструкции: «...платить прогонные и поверстные деньги по указу, записывая в памянутую прошнурованную книгу»); пункт 9-й регламентирует отчетность Беринга: «по отправлении из Санкт-Петербурха до назначенного места и по прибытии туда, и что у вас будет во исправлении оной экспедиции чинища, иметь вам журнал и в Адмиралтейскую Коллегию присылать репорты помесечно» [45, с. 37, 40].

Как мы видим, инструкция обязывала Беринга рапортовать о делах экспедиции ежемесячно. Сначала он выдерживал сроки. Так, в июле 1728 г. «нижайший слуга Государственной адмиралтейской калегии» Витус Беринг «покорно» доносил среди прочего о том, что «...из данных мне из Цалмейстерской канторы из 1 000 рублей осталось за расходом 573 рубля 70 копеек, и оные деньги взял с собою для всяких случившихся нужд». При рапорте Беринг приложил «табель о состоянии команды и денежной расход с 1727 году з генваря месяца и до июля 10 дня сего 1728 году» [45, с. 68].

Но потом Беринг стал посылать рапорты все реже. О плавании 1728 г. он не послал в Адмиралтейств-коллегию ни одного рапорта. Еще хуже обстояло дело с финансовой отчетностью. Возложив канцелярию, финансы и материальную часть на мичмана Петра Авраамовича Чаплина, комиссара Ивана Дурасова и матроса Ивана Белого, Беринг не особо вникал в финансовые документы экспедиции. Эта черта проявлялась у него и раньше, о чем свидетельствуют материалы о временном отрешении Беринга в 1716 г. от командования кораблем «до подачи счетов в издержанных казенных деньгах во время плаванья» [25, с. 163].

Есть и другие примеры различных документов, регламентирующих порядок обеспечения государственного финансового контроля в деятельности экспедиции. Так, в феврале 1736 г. М. П. Шпанберг дал лейтенанту В. Вальтону следующую инструкцию: «Сколько когда возьметца и привезено будет к вам провианта и матриалов, иметь записные книги с росписанием порознь, чтоб можно было ведать, коликое число пудов или каких званием матриалов, откуда имянно и с кем имяны привозом вступить, и расход записывать по тому ж со объявлением порознь, кому имяны, и на которые месяцы, и по скольку человеку в выдаче будет провианта, и от какова приему, дабы со оной обстоятельной записки могли нас обстоятельно ж репортовать и вовремя отчет дать» [45, с. 158].

В другом случае Беринг в октябре 1739 г., рапортуя в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана Ивана Елагина на боте «Св. Гавриил» на Камчатку для описания побережья от Большой реки до Авачинской губы, отмечал: «И велено ему, Елагину, ежели кто из подводчиков пожелает взять табаком, то таким давать по расположению по цене по чему на Камчатке табак продается, а на записку в расход денег и табаку дана прошнурованная книга» [45, с. 186].

⁴ В этой связи, при недостатке денежных средств в обращении достаточно легко был обнаружен самый первый факт фальшивомонетчества на Камчатке — в феврале 1756 г. за указанные действия в Нижнекамчатске был арестован Емельян Софроневич Басов. Как установило следствие, зимой 1755 г. Басов изготовил фальшивые медные монеты. 4 сентября 1763 г. в Иркутске Басову было «учинено на публичном месте, при барабанном бое, позорное наказание», затем он был направлен на Нерчинские рудники, где и умер в 1765 г. [31, с. 69].

⁵ Это время характеризовалось массой случаев финансовых разоблачений. Так, в 1758 г. по обвинению в незаконном производстве вина и утайке кабацких сборов от казны был схвачен самый богатый иркутский купец Иван Бечевин. Следствие вел известный на всю Сибирь своей жестокостью ревизор, следователь «винокурных дел», коллежский асессор Петр Никифорович Крылов. В декабре 1759 г. Иван Бечевин закончил жизнь на дыбе в пыточной канцелярии Иркутска. В сентябре 1762 г. на Камчатке потерпело крушение судно «Святой архистраг Гавриил», собственником которого являлся Иван Бечевин. С тех пор бухта — место крушения судна на Камчатке — именуется Бечевинской [31, с. 70].

⁶ Правительство уделяло огромное внимание финансовому контролю за деятельностью Северо-Восточной американской компании. Так, в договоре, заключенном 15 августа 1790 г. между Г. И. Шелиховым и каргопольским купцом А. А. Барановым, мы встречаем следующее обязательное условие: «Завести я должен порядочныя тамо книги, в кои внести и вносить в приход оставшиися по отличие тамо из Охотска доставленныя товары, а в расход — выдачу работным на вымен и покупку американских товаров происходимыя, также расчетную с работными, дабы каждого всегда рашот виден был» [46, с. 278].

⁷ Добавим при этом, что, разбираясь в устройстве Камчатского правления, Лессепс «приметил, что правящие разными острогами, даже и офицеры нижних чинов в рассуждении вышних, не должны отдавать взаимного отчета в своем правлении, также каждого власть простирается только на живущих в местах, зависимых от него» [28, с. 136—137].

⁸ В наставлении Адмиралтейств-коллегии И. И. Биллингсу о целях экспедиции было предписано не делать «ни под каким видом излишних каких-либо и затруднительных требований, кроме предписанных и таких, кои послужат к истинной пользе службы ея величества, так как не издерживать суммы на не столь нужное под опасением в том ответа» [46, с. 209]. А он в свою очередь давал своим подчиненным такие указания: «сверх предписанного вам не извольте излишняго нечего требовать, кроме что за нужное усмотреть изволите, наблюдая, как возможно, при оном государственной интерес, особливо остерегаться не тратить денежную сумму на такие вещи, кои не крайне нужны, ибо за все то вы сами ответствовать будете» [46, с. 225].

Вместе с тем, несмотря на все запреты, во время своей зимовки в Якутске Биллингс занялся меновой торговлей с местными жителями на деньги, которые получал из казначейства. Сибирский генерал-губернатор И. А. Пиль в 1788 г. потребовал от И. И. Биллингса отчет по расходу казенных средств на экспедицию, но Биллингс уклонился от ответа и переехал в Охотск. Пиль обратился с рапортом в Адмиралтейств-коллегию, которая 20 июня 1789 г. приняла решение о продолжении экспедиции, однако через четыре месяца приостановила ее «ради сокращения расходов». Но было уже поздно. Биллингс в сентябре 1789 г. отправился из Охотска на Камчатку. Кстати, по мнению В. И. Штейнгеля, «если бы, экспедиция была обращена, то... труден был бы отчет в передержанных суммах», так как «денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали» [60, с. 69—71].

Кроме того, свои замечания после финансовой ревизии деятельности экспедиции выскажет И. И. Биллингсу вице-адмирал В. П. Фондезин (родной брат генерал-контролера М. П. Фондезина): «Что ж следует до шетного свидетельства, производимого по книгам о приходе и расходе денег, издержанных вами, то как из учиненных из книг ваших выписок видно, что в тех книгах некоторыя статьи записаны генерально, как-то: закупленныя вами разныя вещи и поставлена сумма генеральная, а сколько каких вещей и по чему не показано, да и прочия сему подобныя расходы не различены, то противу каждой статьи объяснили бы подробно и представили Коллегии» [46, с. 339].

ИСТОЧНИКИ

1. *Ананьев Д. А.* Воеводское управление Сибири в XVIII веке. — Новосибирск, 2005. — 264 с.
2. *Андриевич В. К.* Исторический очерк Сибири. — СПб., 1889. — Ч. 2: Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны.
3. *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции (исторический очерк) // Советский Север. — № 1. — М., 1929. — С. 66—97.
4. *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. — Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. — Ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. — М., 1955. — С. 49—85.
5. *Берг Л. С.* История русских географических открытий. — М., 1962. — 296 с.
6. *Борисов В. И.* Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки // Вопросы истории Камчатки. Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 179—255.
7. *Бродников А. А.* Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) //

Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. — Новосибирск, 1999. — С. 119—123.

8. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 112 с.

9. Власть в Сибири: XVI — начало XX в. — Новосибирск, 2005. — 696 с.

10. *Головачев П. М.* К истории ясака в Сибири. — Тобольск, 1897. — 18 с.

11. *Головнин В. М.* Путешествие на военном шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальства флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. — М., 1961. — 480 с.

12. *Гольденберг Л. А.* Между двумя экспедициями Беринга. — Магадан, 1984. — 239 с.

13. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 годах. — Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. — СПб., 1901. — 756 с.

14. *Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1960. — 395 с.

15. Записка о Тобольской казенной палате. — Новосибирск, 2005. — 100 с.

16. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на Крайнем Северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск, 2002. — 330 с.

17. *Зуев А. С.* Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-иттельменских отношений // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 108—191.

18. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под ред. Н. Д. Жданова, Б. П. Полевого. — М., 1997. — 111 с.

19. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — 443 с.

20. *Князьков С.* Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома. — М., 1991. — 712 с.

21. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб-к арх. матер. / Под ред. Я. П. Алькора, А. К. Дрезена. — Л., 1935. — 210 с.

22. *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000. — 272 с.

23. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2-х т. — СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — 438 с.

24. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2-х т. — СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 2. — 319 с.

25. *Кушнарев Е. Г.* В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция. 1725—1730. — Л., 1976. — 168 с.

26. *Лагутин И. Б.* Государственные основы финансово-контрольной деятельности в Российской империи в первой половине XIX века. — Курск, 2004.

27. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М., 1997. — 192 с.

28. *Лессепс Ж. Б.* Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири. — Ч. 1. — М., 1801. — 209 с.

29. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. — М., 1968. — 200 с.

30. *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели. Записки Приамурского отдела Импер. Рус. Геогр. общ-ва. — Т. 5. — Вып. 1. — Хабаровск, 1899. — 145 с.

31. *Мартыненко В. П.* Презрев угрюмый рок. Камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский, 1997.
32. *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. — Ч. 2. — Вып. 1. Завоевание русскими Сибири. — Владивосток, 1924. — 108 с.
33. *Пащенко К. А.* Правовое регулирование деятельности казначейства в дореволюционной России // Правоведение. — 2000. — № 1. — С. 39—48.
34. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 502 с.
35. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. — Ч. 1. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 160 с.
36. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. — Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 205 с.
37. *Полевой Б. П.* Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в. // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 1966. — С. 124—127.
38. *Полевой Б. П.* Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1964. — С. 92—93.
39. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. — Южно-Сахалинск, 1982.
40. *Полевой Б. П.* Новое о Владимире Атласове / Сб-к статей Б. П. Полевого «Первооткрыватели Камчатки» // Норд-Ост (Люди. Природа. История). — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 62—74.
41. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. — Новосибирск, 2000. — 400 с.
42. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1902. — 388 с.
43. *Ремнев А. В.* Камчатка в планах Муравьева-Амурского // Исторический ежегодник. 1999. — Омск, 2000. — С. 28—43.
44. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. А. И. Андреева. — М., 1948. — 383 с.
45. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб-к док-в. — М., 1984. — 319 с.
46. Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб-к док-в. — М., 1989. — 400 с.
47. *Савченко С. Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. // Записки Гродековского музея. — Вып. 5. — Хабаровск, 2003. — С. 7—23.
48. *Салогуб Я. Л.* Административная политика царизма и система управления Охотско-Камчатским краем с середины XIX в. до 1884 г. // «Камчатка: прошлое и настоящее». Материалы XXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 209—213.
49. *Сафронов Ф. Г.* Русские на Северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М., 1978. — 258 с.

50. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Бернигова морей, Сахалина и Курил. — Хабаровск, 1988. — 192 с.
51. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. — Ч. 1 // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—103.
52. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. — Ч. 2 // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 5—123.
53. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. — М., 2006. — 512 с.
54. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. — СПб., 1900. — Т. 1. — 690 с.
55. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — 287 с.
56. Федоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII — нач. XIX в.). — Иркутск, 1991. — 184 с.
57. Финансовые органы Хабаровского края: История в документах и судьбах / Авт.-сост. А. Л. Анисимов, Л. В. Потоцкая (Ч. 1); В. Ф. Герасимов (Ч. 2). — Хабаровск, 2003. — 176 с.
58. Фисенко А. И. Казначейство в России. Исторические и финансово-экономические аспекты развития организации и управления (XVII — начало XXI вв.). — Владивосток, 2001. — 510 с.
59. Шмалев Т. Краткое описание о Камчатке, учиненное по июне месяце 1773 года Камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалевым // «Пойдем ныне по своему Отчеству...» К 250-летию начала промышленного освоения Русской Америки / Сб-к истор.-краевед. статей под ред. В. И. Борисова. — Усть-Камчатск, 1993. — С. 28—37.
60. Штейнгель В. И. Сочинения и письма. — Т. 1.: Записки и письма / Отв. ред. С. В. Житомирская. — Иркутск, 1985.
61. Штеллер Г. В. Письма и документы. 1740. (Памятники исторической мысли). — М., 1998. — 428 с.
62. Экспедиция Беринга / Под ред. А. Покровского. — М., 1941.
63. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5007. Л. 219—220.
64. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 199. Оп. 2. П. 803. Л. 42—42 об.
65. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 64—65 об.
66. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3948. Л. 29—31 об.
67. Российский Государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 168. Л. 129 об.—130.
68. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2, Д. 10.
69. Там же. Оп. 1. Д. 3916. Л. 1—9.
70. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1007. Оп. 2. Д. 56.
71. Там же. Ф. 84. Оп. 2. Д. 189. Л. 3.
72. Там же. Оп. 1. Д. 62. Л. 54 об.

73. РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 15. Л. 25—25 об.
74. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 147. Л. 15—16 об.
75. Там же. Оп. 1. Д. 369. Л. 1—1 об.
76. Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2536. Л. 166.
77. Там же. Д. 37. Л. 452 об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.

1699—1704 гг. Создается первая учетная документация — ясачные книги, в которых отражался сбор ясака — дани с чертами принудительной меновой торговой сделки. С 1703 г. стала применяться форма учета с указанием конкретных плательщиков ясака.

1720—1726 гг. Якутская канцелярия предпринимает самые первые попытки проведения ревизий финансового управления на Камчатке.

1730-е — 1750-е гг. Контроль за финансовым управлением на полуострове возложен на особое Охотское приморское правление (создано весной 1731 г.). В 1753 г., пытаясь бороться со служебными злоупотреблениями камчатских командиров на отдаленной окраине, сибирское начальство перевело главное правление Камчаткой поближе к полуострову — из Охотска в Анадырск. На Камчатку стали направляться специальные комиссии.

Конец 1750-х — начало 1760-х гг. Финансовое управление на Камчатке сосредоточилось в Большерецке. Окончательное закрепление Большерецкой канцелярии в роли руководящего органа финансового управления полуостровом произошло в 1769 г. после ликвидации Анадырского острога.

Октябрь 1784 г. — февраль 1785 г. Предположительно в это время было образовано Нижнекамчатское уездное казначейство.

1803 г. Казначейство переведено в Верхнекамчатск.

1806—1812 гг. Казначейство работает в Петропавловске. В апреле 1812 г. в соответствии с «Положением об управлении Камчаткой» казначейство ликвидировано.

1837—1856 гг. На Камчатке вновь действует казначейство. Весной 1855 г. Петропавловское окружное казначейство переведено в Николаевск-на-Амуре, где продолжило свою работу при гражданском управлении Камчатского военного губернатора предположительно до октября 1856 г.

1852—1853 гг. В Санкт-Петербурге на заседаниях Адмиралтейского Совета обсуждались проекты по организации на Камчатке местного контроля в духе административной системы, предложенной М. М. Сперанским для Сибири. В том числе рассматривался вариант учреждения совета при камчатском губернаторе, в который бы вошли старшие чины Петропавловского порта, а также чиновник от Государственного контроля и доверенные лица от Сената и Синода. Однако какого-либо конкретного решения принято не было.

1903—1907 гг. Для финансовых ревизий на Камчатку командированы чиновники Приморского областного правления: в 1903 г. — поручик Иванович, в сентябре 1905 г. — А. П. Сильницкий, в июле 1906 г. — А. В. Суханов, в 1907 г. — Ф. Ф. Сомов.

1909 г. На Камчатку впервые назначен постоянный представитель органа государственного финансового контроля — Амурской контрольной палаты — младший ревизор И. Гильцебах.

1 ноября 1910 г. В Петропавловске вновь начало действовать казначейство.

2. СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ПРИМЕНЯВШИХСЯ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII в.

Алтын — денежная единица, равная шести деньгам, или трем копейкам.

Алчба — жадность, ненасытность, незаконное стремление.

Аманат — заложник, под которого сородичи вносили ясак.

Аманатский двор (изба) — помещение, где проживали аманаты.

Апробация — утверждение, одобрение.

Артикул — статья, параграф указа или договора.

Аршин — русская мера длины, равная 71,12 см (4 четверти или 16 вершков).

Три аршина равны одной сажени.

Ассессор — советник, должность в ряде учреждений. *Коллежский ассессор* — классный чин в гражданской службе по табели о рангах.

Аудитор — военный судья.

Банкрутный — обанкротившийся, несостоятельный.

Батоги (батожье) — палки, прутья, употреблявшиеся при телесном наказании.

Бездоимочно — полностью, без недоимок.

Безмен — весы простейшего устройства.

Безьявочно — тайно, незаконно, без уплаты пошлины.

Беспосредственно — непрерывно, непрестанно.

Бесчестье — нанесение обиды, оскорбление чести.

Бесчинник — нарушитель порядка.

Благорассудный — справедливый, обоснованный.

Большой — старший.

Ведение — 1) отношение, документ, которым сносились равные по положению учреждения; 2) сообщение, бумага, направленная для сведения.

Верный сбор — сбор чего-нибудь (денег, хлеба и т. д.), отданный на веру, то есть под клятвенное обещание не утаивать и не присваивать казенных доходов.

Верста — мера длины, равная примерно 1,07 км.

Верстать — зачислять на службу с наделением жалования: денежного, хлебного, соляного.

Вершение — завершение дела и исполнение приговора по судебным делам.

Вину его отдать — не наказывать за проступок, простить.

Вор — кроме основного значения, это слово в официальных документах служило для обозначения людей, совершающих любые противозаконные действия, часто для обозначения участников волнений и восстаний. *Луций вор* — главарь, предводитель, на которого возлагалась главная вина за преступление; руководитель восстания или волнения.

Воровство — в XVII—XVIII вв. любое противозаконное действие; преступление, как уголовное, так и политическое.

Воровские деньги — фальшивые деньги.
Воровское письмо — письмо, написанное ворами, противозаконная, недозволенная запись.
Воры денежные — фальшивомонетки.
Вполы — вполю, в два раза меньше.
Въявь — открыто.
Выправки — сведения, справки.
Вычеты из жалованья — вычеты, производившиеся в связи с новым назначением, перемещением, производством в следующий чин и т. д.
Государево дело — важное поручение, данное царем.
Глагольник — указатель (справочник).
Грамота — документ, посылаемый от царского имени и содержащий указ, распоряжение.
Грамота (подорожная, проезжая) — грамота, выданная для удостоверения права проезда от пункта к пункту какому-нибудь лицу.
Голая бумага — чистая бумага.
Подписаться на голой бумаге — подписаться на чистом листе бумаги, на котором после этого может быть написан любой текст.
Деньга (денга) — денежная единица, равная полкопейки. В рубле 200 денег.
Деньги без примеси — серебряные деньги, не содержащие других металлов.
Деньги кормовые — деньги, выдаваемые поденно или на больший срок за какую-то работу.
Деньги товарные — пошлины с денег, предъявленных для покупки товаров.
Десть — 1) большой формат бумажного листа, так называемый «дестный лист»; 2) мера счета писчей бумаги, 24 листа.
Десятая пошлина — одна десятая часть добытой пушнины, которую должны были платить все промышленники и купцы, занимавшиеся промыслом пушных зверей на островах Тихого океана. Отменена 7 марта 1774 г.
Довод (доводить) — донос, доносить.
Доезд — письменный отчет о поездке по служебному поручению.
Доимки — недоимки по уплате податей государству.
Доправить — взыскать, получить, требовать уплаты.
Дороговь — дороговизна.
Досмотр — учет, фиксация, например, денег или хлеба.
Досталось на лапу — был наказан.
Досталь — остаток, остальное.
Дьяк — высшая приказная должность, связанная с ведением всего делопроизводства и вершением дел; начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств до XVIII в., руководил работой местных учреждений (изб).
Дьячок — писец и делопроизводитель.
Единоустно — единогласно, единодушно.
Емлют — берут.
Жалованье государево — общее название земельного, денежного, хлебного, соляного содержания, которое выдавалось служилым людям.
Живот — 1) жизнь; 2) (животы) движимое имущество, вещи.
Забойство — разбой, убийство.

Завотчик — зачинщик.

Заказчик (заказчик) — выборное лицо в общине, мирской староста.

Запись — документ.

Заручное письмо — письмо, подписанное его составителями.

Зелье — порох.

Зелёный погреб — место для хранения пороха.

Зимовье — место, где жили или останавливались зимой, несли службу или занимались каким-либо промыслом; пункт для сбора ясака, состоящий из избы или нескольких изб, часто огороженный частоколом.

Золотник — мера веса (4,266 грамма, 96-я часть фунта).

Извет — 1) донос о совершенном или готовящемся преступлении; 2) воплощение, выражение.

Изменник — государственный преступник, предатель.

Инвентарь — список, ведомость, опись имущества.

Иноземец — чужеземный, нерусский человек.

Инквизитор — судебный следователь.

Инстиговать — научать, подстрекать, инструктировать.

Интересные дела — 1) доходные дела; 2) дела, затрагивающие финансовые интересы казны, относящиеся к государственным доходам.

Исправник (капитан-исправник) — глава административной и полицейской власти в уезде. Должность исправника введена в 1775 г.

Истеря — потеря, утрата, убыток.

Кабала (кабальная запись) — документ, подтверждающий заем денег, хлеба и т. д., своевременная неуплата которых приводила к кабальной зависимости должника от заимодавца.

Кабала служилая — письменный договор служить заимодавцу за взятые в долг деньги и проценты, идущие с них.

Казна государева — ценные предметы, деньги или любое имущество, принадлежащее государству.

Казначей — лицо, в ведении которого находилась казна.

Камерея — казначейство.

Камерир — чиновник провинциальных канцелярий, ведавший сбором податей, казначей.

Книги записные — книги, которые содержали ведомственные указы и решения.

Ковы — интриги, тайные происки.

Козельчатой острог — острог, обнесенный оградой из кольев.

Колесование — вид смертной казни, при котором осужденному перебивали руки и ноги, а затем вкладывали в колесо, соединяя пятки с затылком.

Колико — сколько, насколько.

Комиссар — уполномоченный представитель, обладающий единоличной властью.

Коммерческий трактат — торговый договор.

Кондиция — условие.

Конфирмация — решение, утверждение, резолюция монарха.

Копейка — монета.

Кормление — получение натурального жалованья у населения.

Корт (кортом) — плата за наем.

*Корыстовать*ся — пользоваться, получать доход.
Корчемство — тайная, незаконная продажа водки, вина, нарушающая винную монополию государства.
Кошт (*коштом*) — содержание, счет, иждивение, расход.
Крепость — документ на владение недвижимым имуществом.
Решать по крепостям — решать спорное дело на основании имеющихся у сторон документов.
Крепить — скреплять, заверять подписью.
Купно — вместе, одновременно.
Лавтак (*лафтак*) — выделанная шкура морского зверя (моржа, сивуча, тюленя).
Лакомство — жажда наживы, богатства.
Лисица красная — лисица, имеющая бежево-рыжеватый мех.
Лисица сиводушчатая — лисица с черно-белым брюхом, средняя между красной и черно-бурой.
Лихва — проценты.
Лихое дело — преступление.
Ломать — пытаться, истязать.
Лутчие люди — уважаемые представители местного населения.
Лъзя — можно.
Магазин (*магазейн, магасин*) — 1) складское помещение; 2) товары, резервный хлеб на случай неурожая и голода, военное имущество.
Мемориал (*мемория*) — доношение, докладная записка.
Мнить — думать, мыслить.
Мнить кому-либо — действовать при решении спорного вопроса пристрастно в пользу одной из сторон; вымогать взятку.
Многोजды — неоднократно, много раз.
Мотчание — затяжка, бездействие, медлительность.
Мочно — можно, доступно, по силам.
Мягкая рухлядь (*мяхкая рухлядь*) — пушной товар, пушнина, меха.
Наглость — беззаконие, требования, не соответствующие правилам, указам.
Напаче — особенно, тем более.
Наказная память (*наказ*) — наставление, письменная инструкция.
Наклады — налоги, поборы.
Накрепко — строго, неукоснительно.
Налоги — гнет, притеснение.
Насильство — проявление насилия, принуждение.
Наряд, нарядчик — распоряжение о выполнении работ в определенный срок.
Наряжать — давать наряд, посылать.
Нарядные (*письма или документы*) — подложные, поддельные.
Небрежа — не заботясь, небрежно.
Недружба — вражда.
Норовить — потворствовать, подходить к делу заведомо необъективно.
Нужа — нужда.
Облигация — обязательство.
Облыгать — оболгать, оговорить.
Обсылаться, обсылка — передавать, передача.

Обыск — расследование дела путем опроса людей.

Обыск повальный — расследование с повальным опросом всего взрослого населения того населенного пункта или района, где проживал преступник.

Обьясачить — наложить ясак.

Одекуй — крупный бисер.

Озорничество — проступок.

Оклад — 1) размер земельного, денежного, хлебного, соляного жалованья, выплачиваемого из казны за выполняемую службу холостому или женатому служилому человеку (холостой или женатый оклад); 2) установленный объем подати, платежа.

Окуп — 1) взятка; 2) выкуп должников, пленных.

Опречь — кроме, за исключением.

Ордер — письменное предписание, распоряжение, приказ.

Острог — поселение, обнесенное высоким деревянным забором. Внутри острога, как правило, находились: ясачная и приказная избы, амбар, «казенка» для содержания провинившихся и заложников, часовня и жилые дворовые постройки.

Осьмина (осьминник, осьмишник) — мера измерения объема сыпучих тел, равная половине целой меры, то есть четверти или четверем четверикам.

Отверстый, открытый указ — указ, предоставляющий определенному лицу полную свободу действий и предписывающий всем учреждениям и должностным лицам того района, куда направлено это лицо, выполнять все его требования и поручения.

Откуп — исключительное право, предоставлявшееся государством за определенную плату частным лицам (откупщикам) на сбор каких-либо налогов, продажу определенных видов товаров (соль, вино и др.).

Откупщик — лицо, приобретшее у государства за определенную плату право на какой-либо откуп.

Отписка — письменный отчет, донесение или сообщение нижестоящего административного лица вышестоящему (например, от воеводы в Сибирский приказ, от приказчика к воеводе).

Отпустить — не взыскивать, не карать, простить.

Память — документ, инструкция, напоминание что-то сделать.

Памятцы (памятные выписки) — выписки из книг, например, об отпуске вина.

Партикулярный — частный, неофициальный.

Пеня — штраф в пользу казны (различалась пеня большая, великая и жестокая).

Перемешивать — пересматривать дело, изменять принятое решение.

Плакад (плакатная цена) — оплата за работу по особому указу (плакату).

Поборы — сборы.

Поверстка (приверстка) — зачисление в службу служилых людей по прибору, то есть казаков, стрельцов, пушкарей.

Поголовный — подушный.

Подьячий — лицо, выполнявшее службу в административных учреждениях. Подьячие делились на «молодых», «средних», «старых». Подьячий «с приписью» имел право ставить свою подпись под документом.

Подарочная казна — подарки, предназначаемые аборигенам.

Подводы — одно из средств передвижения в летнее время, используемое для перевозки людей и грузов.

Подметчик — денежный мастер.

Подъем на службу — экипировка необходимым для службы снаряжением.

Поживление — присвоение чего-либо.

Пожиток — имущество.

Поелику — поскольку.

Полисад (палисад) — ограждение, забор из плотно пригнанных друг к другу заостренных сверху столбов, кольев.

Положник — положение (инструкция).

Полтина — монета в 50 коп.

Полтретья — два с половиной.

Полуполтина — монета в 25 коп.

Полчетверта — три с половиной.

Пошеста — пять с половиной.

Пометные списки (пометы) — документы, отражающие годовое планирование прихода и расхода денег, хлеба или соли.

Поминки — подарки, взятки, вознаграждение.

Поноровка — поблажка, послабление.

Понеже — поскольку, потому что.

По пропорции — пропорционально; в такой же степени.

Поручная запись — документ, содержащий поручительство.

Посул — взятка, вознаграждение, обещание заплатить за благоприятное решение дела.

Посылка — командировка.

Пошлина — всякий разовый сбор (торговый, судебный, от оформления бумаг).

Правез — взыскание долга, недоимок с применением телесных наказаний.

Править недоимку — взыскивать недоимку в уплате податей.

Приговор — решение.

Препона — препятствие.

Прибыток — прибыль, доход.

Приказная изба — административное учреждение, ведавшее уездом.

Приказные люди — административный аппарат приказов и изб (дьяки, подьячие, дьячки).

Приклад — пример.

Прикладывать руку — ставить подпись.

Приметки — незаконные прибавки, накладки, взятки.

Притись — подпись, подтверждающая подлинность документа.

Прогонь — установленная законом плата за провоз людей или грузов с версты.

Прогонные деньги — деньги, выдававшиеся на проезд или провоз грузов по казенным надобностям.

Продажи — убытки, расходы, ущерб.

Пролазом — пронырством, интригами, происками.

Промемория — документ, использовавшийся в переписке между не подчиненными (равными по своему положению) учреждениями или лицами.

Прописки — бисер, стеклярус.

Протори (протор) — расходы, траты, убытки, ущерб, издержки.

Профит — доход, прибыль.

Пря — прения, спор, борьба, состязание.

Пуд — мера веса, равная 16,38 кг.

Радеть — стараться, заботиться.

Разделка — расчет за произведенные работы.

Расправа — рассмотрение проступков и наложение различных взысканий.

Распросные речи — письменно зафиксированное свидетельство, показание или допрос.

Реестр — список, описание, перечень.

Реверс — всякое письменное обязательство, иногда просто расписка.

Рентерея — казначейство.

Розыскивать — допрашивать с применением пыток.

Роспись — перечень чего-либо.

Рост — проценты.

Рукоприкладство — 1) побои; 2) собственноручная подпись.

Сажень — русская мера длины, равная трем аршинам, или 2,1336 м. Известны маховая сажень — 1,76 м и косая сажень — 2,48 м. Сажень дров — около 8 куб. м.

Сведомство — сведения, материалы по какому-либо вопросу.

Свинцом и порохом жаловать — предоставлять бесплатно порох и свинец.

Секвестр — конфискация, временное прекращение или ограничение прав владения.

Сентенция — рассуждение, изречение, судебный приговор.

Сикурс — помощь, поддержка.

Сказка (скаска) — устное показание, донесение, рассказ, список, сведения или их запись.

Скарб — 1) казна; 2) имущество.

Скрепка (закрепление документов) — подпись, заверяющая правильность документа. Распределялась по листам так, что на каждом из них приходилось одно слово или даже несколько букв из звания, должности, фамилии заверяющего.

Слово и дело государево (государево слово и дело) — формула, сопровождающая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении. Система политического розыска, существовавшая в XVII — XVIII вв. Всякий, кому становилось известно какое-либо «слово или дело», направленное против государя или государства, под страхом смертной казни был обязан донести об этом властям. Отменена Екатериной II в 1762 г.

Служилые люди — люди, состоящие на государственной службе и получающие за это жалованье.

Сметные списки (сметы) — документы, отражающие годовой отчет о приходе и расходе в истекшем году денег, хлеба или соли.

Солдат (салдат) — рядовой пехоты.

Соляной доход — доход, который получало государство за счет своей монополии на продажу соли.

Соляные дела — мероприятия, связанные с осуществлением соляной монополии государства.

Сорок соболей — соболи шкурки, связанные в «вязки» по сорок штук в каждой.

Статок — имущество.

Столбец — узкие листы бумаги, склеенные в ленту и сворачивавшиеся в трубку. Употреблялись в приказном делопроизводстве.

Стопа — мера счета писчей бумаги в 20 дестей.

Стоячий острог — укрепленный пункт, в котором бревна вкопаны вертикально («стояли»).

Счетчик — выборное лицо, избиравшееся для подсчета поступивших в воеводскую канцелярию и отпускаявшихся ею медных денег.

Сын боярский — представитель разряда городских служилых людей.

Сыск — расследование, следствие.

Тойон (тоен) — выборный старейшина, старшина, вождь, представитель господствующей знати у восточносибирских племен.

Толмач — переводчик.

Трактат — 1) рассуждение; 2) договор.

Туне (втуне) — напрасно, бесполезно.

Уговор — договор.

Уговорщик — лицо, договаривающееся о чем-либо, например, о поставке в казну каких-либо товаров; подрядчик.

Уреченный — установленный.

Уряд, на уряд — штат, должность, власть.

Хлебное жалование — часть жалования, выплачиваемая служилым людям и казакам определенным количеством зерна или муки.

Целовальник — сборщик пошлины, хранитель или продавец казенных товаров, присягнувший царю (целовавший крест) для верного и честного исполнения порученного ему дела.

Чащина (чещина) — сбор ясака сверх установленной нормы. Своеобразный сверхьясак, сбор в пользу ясачного сборщика, устанавливаемый обычно произвольно.

Челобитная — документ, содержащий жалобу или прошение (индивидуальное или коллективное).

Челобитье (бити челом) — просить о чем-нибудь, подавать прошение.

Четвирик (четверик) — восьмая часть четверти, около 26 л.

Четверть (четь) — 1) мера сыпучих тел, около 210 л; 2) мера длины, четвертая часть аршина, около 18 см.

Шельмование — телесное наказание.

Шерть — присяга на подданство.

Экзекуционная команда — карательная команда, направленная для усмирения восстания или волнения и наказания его участников.

Экстракт — вид документа в коллежском делопроизводстве с изложением основного содержания или извлечением наиболее существенных частей дела.

Явочное челобитье — личное прошение с информацией о каком-то факте.

Ясак — (тюрк.) дань натурой, в основном пушниной, взимавшаяся царской администрацией с аборигенного населения.

Ясатчик (ясаинный зборщик) — сборщик ясака.

Ясачная (ясаинная) книга — опись, составляемая на соответствующей территории с поименным списком ясачных людей и сведениями о сборе с них ясака.

Ясачные (ясаинные) люди — плательщики ясака.

Ясырь — пленник.